

С е р г е й П с а р ё в

Побег за белой НОЧЬЮ

Сергей Иванович Псарёв

Побег за белой ночью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868242

*Побег за белой ночью:
ISBN 978-5-907189-39-3*

Аннотация

Для чего человек приходит в этот мир? Автор книги, Сергей Псарёв, петербургский писатель и художник, не дает готовых ответов и продолжает начатый разговор о творческом поиске, о любви и верности, обретении веры. Он предлагает читателю взглянуть на окружающий мир глазами маленького ангела, своего ребенка, вместе с его героями отправиться за убегающей белой ночью и по-новому открыть для себя красоту родной земли. Волею фантазии автора на страницах оживают сцены из прошлого Древней Руси. Книга иллюстрирована авторскими работами и предназначена широкому кругу читателей. На лицевой стороне обложки: «Белая ночь в Петербурге. Канал Грибоедова у Каменного моста», на обороте: «Церковь пророка Ильи в Выбутах. Родина Святой княгини Ольги».

Содержание

Сиреневая аллея	8
Знахарка	8
Зимний рассказ	8
Павел Андреевич	9
Колдовские дела	12
В Энске	17
По ту сторону	19
Сиреневая аллея	28
Шапель для Александры	39
Ночь музеев	51
Маркизова лужа	52
В академии	55
В мастерской Аникушина	57
Приютино	66
История загородной поездки	66
Рождествено	81
В стране ворон	91
Поверить ангелу	94
Приглашение к разговору...	94
Самый длинный день	97
Предновогодная быль или сказка	97
В большом городе	109
Утро	109

В метро

110

Конец ознакомительного фрагмента.

112

Сергей Псарёв
Побег за белой ночью

Спасо-Преображенский собор. Соловецкий монастырь

Сиреневая аллея

Знахарка

Зимний рассказ

Эту любопытную историю рассказал мой давний друг, Павел Андреевич Чибисов. Дело было под Старый Новый год, в его загородном доме. Назвать этот старинный особняк обычной российской дачей – язык не поворачивался. Глядя на него, в моей памяти возникали исторические здания на Крестовском острове, где снимали эпизоды многосерийной саги про Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

В тот день мы вдоволь покатались на лыжах в лесу и теперь уютно устроились в креслах возле большой русской печи. Моду на разные заграничные камины Павел Андреевич не признавал в принципе.

От печи приятно тянуло расслабляющим теплом, а на оконном стекле играли огненные блики. Дремлющее пламя медленно растеклось среди мерцающих угольков. В таком близком общении с огнем всегда было что-то магическое. Нас потянуло рассказывать друг другу необыкновенные житейские истории. Это прекрасно заполняло долгий зимний

вечер вместо изрядно поднадоевшего телевизора. Наступила очередь Павла Андреевича. Теперь он, как опытный актер, держал длинную паузу...

Павел Андреевич

Нужно сказать, что для меня Чибисов всегда оставался интересным человеком. Потомственный петербуржец, в роду у которого было немало замечательных людей своего времени: инженеры, учителя гимназии и священники. Сам Павел Андреевич всю жизнь проработал рядовым инженером. Одно время его даже собирались продвинуть по профсоюзной линии, но тут выяснилось, что Чибисов убежденный беспартийный, да еще и в церковь ходил. Наверное, сказалось его домашнее воспитание. Он там не просто свечки ставил, а молился, исповедовался и причащался. Тогда все это не входило в рамки дозволенного. Начальники быстро забыли о Чибисове, раз и навсегда. В тоже время это не мешало им видеть в нем одного из лучших специалистов проектного института. Позднее, уже после закрытия учреждения, Павел Андреевич работал в разных частных фирмах и даже попробовал себя в самостоятельном бизнесе. В последние годы он постепенно отошел от больших дел и подолгу жил за городом.

Около десяти лет назад Павел Андреевич обнаружил в пригороде Всеволожска небольшой старинный двухэтажный

особняк, принадлежавший ранее каким-то его предкам по материнской линии. К слову, этот дом тогда находился в очень плохом состоянии. В последние годы там размещался склад какой-то воинской части. Потом эту часть расформировали, а все имущество вывезли. Павел Андреевич выкупил пустовавший дом за бесценок и принялся его постепенно восстанавливать. Тот, кому когда-нибудь приходилось заниматься подобным делом, может понять, что дело это долгое, необычайно хлопотное и дорогое.

С тех пор он жил в своем родовом гнезде почти безвыездно и по русскому обычаю полюбил принимать гостей. Все венчания, крестины его родных теперь проходили только в местном храме Спаса Нерукотворного Образа, что находился во Всеволожске на Дороге Жизни. Он стал для него семейным храмом.

Чибисов всегда отличался от окружающих какой-то особенной внешностью. Узкое лицо, очки в тонкой оправе и острая чеховская бородка делали его похожим на старого русского интеллигента. Был бы художником, непременно написал портрет своего друга. Это теперь у нас добрая половина мужского населения вместе с бородой стала обретать поруганное и утраченное мужское достоинство.

Павел Андреевич пошевелил длинной кочергой в топке угли:

– Лизоньку, нашу младшенькую, ты, конечно, хорошо знаешь. Общая любимица, умненькая девочка с университет-

ским образованием. Талантов за ней разных водилось много, а в личной жизни все как-то не складывалось. Даже в театре себя успела попробовать, астрологией увлекалась, на картах гадать пробовала. Эта новая история будет связана с ней...

– Лиза, Лиза, Лизавета, что не шлешь ты мне привета...

– Полноте, Владимир Николаевич! Уже ли не забыл своего прежнего сватовства?

– Это дело для себя считаю полностью закрытым, иначе бы в гости сегодня не пожаловал.

– Не сердись, пожалуйста. Согласись, какой ты ей был бы жених? Герой войны со шрамом на лице, подполковник Лейб-гвардии Семеновского полка... Ладно, шучу... Ты бы еще тогда на белом коне под ее окнами проскакал. Она тобой сильно увлеклась, даже стихи писать начала...

– Знаешь, Павел Андреевич, все же хорошо, что у нас с ней ничего не получилось. О ее чувствах ко мне долгое время даже не догадывался. Теперь тебе первому признаюсь, встретил я недавно женщину, чистая и светлая душа. Это моя награда за все прошедшие испытания. Жаль, что времени осталось мало. Кто знает, может Бог увидит, как нам хорошо и назначит добавочное время...

– Что же, очень рад за вас обоих. Не та ли, с которой я видел тебя в Русском музее на выставке Айвазовского?

– Да, это она...

– Очень достойный выбор. Теперь такие редко встречаются...

– Ладно, Павел Андреевич, не отвлекайся. Рассказывай свою историю, больно интересно...

Павел Андреевич задумчиво посасывал погасшую трубку, затем и вовсе отложил ее. Рассказ начался...

Однажды обратил внимание, что Елизавета зачастила с поездками в Энск. До поры, особого внимания на это не обращал. Она у нас всегда была независимой. Ей в нашем доме многое позволялось. Здесь, если свободы однажды много отдашь, то обратно ее уже не воротишь. Разве, что случай, какой, или неприятности этому поспособствуют. Так уж лучше их и не было совсем.

Спросил как-то, что за интерес у нее в Энске? Елизавета сказала, что уже семь лет ездит к некой Анне Ивановне, знахарке решать свои женские вопросы. Получалось, что эта сторона ее жизни для меня оказалась незнакомой...

Колдовские дела

Признаюсь, к знахарству всегда относился с большим предубеждением. Знахарь – производное от слова «знать», предполагающее особенное знание, связанное с врачеванием человеческих недугов. Этот человек, травник или шептун, обладавший магическими способностями и колдовством, исцелял от всех болезней, к нему шли за решением любых практических житейских вопросов или с целью заглянуть в будущее.

Известно, что верховные русские правители, прежде чем затеять очередную военную авантюру, сначала молились в православном храме, а потом ехали к волхвам за советом. Одним язычеством и загадочностью славянской души такого не объяснить. За всем этим стоял опыт тысячелетий. Ответ они получали, иногда прямой, но чаще двусмысленный, который следовало угадать.

Случалось, что ответа искали у природы или неба. По этой части есть прекрасный пример из «Слова о полку Игореве» в дословном переводе Дмитрия Сергеевича Лихачева:

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел, что оно тьмою
воинов его прикрыло.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем плененным быть;
так сядем, братья,
на борзых коней
да посмотрим на синий Дон».

Хорошо известно, когда верховными жрецами выступали уже сами русские князья. Не случайно князь новгородский, а позднее великий князь киевский Олег, носил имя Вещего. Оно пришло к нам из подлинного исторического докумен-

та, «Повести временных лет» и означало «знающего» или «предсказывающего» будущее. Его прозвали так после возвращения из похода на Византию в 907 году. Все это не помешало ему самому обратиться к отшельнику-волхву перед новым военным походом. Вспомним, как об этом сказано у Александра Сергеевича Пушкина:

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня.

– Павел Андреевич, если к знахарю или предсказателю приходили раньше и идут сейчас, значит, он давал какой-то конкретный результат? На таком фоне любой шарлатан рано или поздно всегда выявлялся. Помнишь, сколько волшебников у нас было в 90-е годы? Мне сейчас кажется, что кому-то на самом верху даже было выгодно отправлять к ним людей. Чтобы они окружающий бардак меньше замечали, на улицу не вышли устраивать очередной майдан.

– У таких знахарей любая ворожба всегда начинается с молитвы и обращения к Богу и святым угодникам, но при этом каждый священник скажет тебе, что здесь присутствует бесовщина.

– А тебе не кажется, что такие запреты на обращение за

помощью к знахарю у священников скрывают банальную человеческую зависть? Почему люди за помощью идут туда, а не в храм или медицинское учреждение? Их часто называют колдунами или ведьмами, но при этом многие из них глубоко верующие люди. Ты же сам об этом говоришь...

– Видишь ли, сейчас все запреты сняты, все можно. Грань между настоящими духовными целителями и теми, кто себя таким только представляет, часто мало заметна простому глазу. Слишком велик риск подвергнуть себя ненужной опасности. Существует традиционное представление, что деятельность знахарства направлена на доброе дело, а у колдуна или ведьмы на причинение вреда, наведение порчи. Здесь и начинается самое главное: такой человек, обладающий особенной способностью, может сотворить не только добро, но и зло, наказать кого-то. Это дает ему огромную власть над людьми.

Такие целители не спешат получать благословение в храме у священника: «Откуда мне знать, что они не грешнее меня?» Посуди сам: разве это не грех гордыни? Если так, то и все его магические способности исцеления совсем не от Бога. Здесь не обходится без присутствия другой, неведомой самому целителю силы. В таких случаях священники часто говорят об одержимости бесами. Нравится это сегодня кому-то или нет, но любое знахарство в храме считается разновидностью колдовства.

Даже если же целители и получают благословение, то де-

лают это примерно так: приходят в храм, дожидаются конца литургии, а дальше подходят к кресту и говорят: «Батюшка, благословите»... Естественно, при этом ничего больше не добавляют. Потом они говорят, что получили благословение на свое занятие. Поверь, ни один священник, будучи в здравом уме и твердой памяти, не станет давать благословения на знахарство.

Думаю, что ко всему этому нам нужно относиться с большой осторожностью, не навредить самому себе или своим близким.

А вообще, как говорил Августин Блаженный: «Чудеса не противоречат природе, они противоречат лишь тому, что нам о ней известно». Совершая чудеса, как известно, Спаситель, не только превращал воду в вино, но и исцелял людей от разных болезней, спасал умирающих и оживлял мертвых. Наверное, Иисус Христос был самым искусным целителем, который всегда обращал внимание на веру человека. За это и пострадал одним из самых первых.

У Елизаветы тогда возникли какие-то нелады со своим мужем. Знахарка попросила его фотографию. Посмотрела на нее, улыбнулась и говорит: «Не сомневайся, любит муж тебя, очень любит. Положи сейчас на фотографию свою руку»... Елизавета положила, а по ней будто утюгом только что прошли, горячая. К слову, после этой ее поездки дела у них в семье на лад пошли. Мужа, с тех пор, словно подменили.

Скоро знахарка с большой точностью предсказала ей сро-

ки рождения ребенка, что и когда Лизе для этого нужно было сделать. Дальше все так и пошло. Ни один важный вопрос у них в семье не решался без участия знахарки Анны Ивановны. Каждый положительный результат непременно связывался с ее воздействием. Денег за свои услуги знахарка почти не брала. Кто и сколько мог ей дать, за то и спасибо. Похоже, что приходившие туда люди, в благодарности знахарке никогда не отказывали. Некоторые очень хорошо это делали деньгами или подарками разными.

В общем, решился я поехать туда вместе Лизой. Благо, что ей это даже показалось интересным. Захотелось узнать мое мнение об этом удивительном народном феномене...

В Энске

Доехали мы туда часа за три. Энск – обычный провинциальный старинный русский городок с городищем на возвышенном месте, дозорными башнями и белоснежными церквями. Из прежних пяти крепостных колец теперь осталось только три. Они постепенно ветшали, осыпались, но не становились от этого менее привлекательными для горожан. Еще больше земляные валы и бастионы привлекали местных мальчишек, искавших там потайные входы и клады.

Когда-то этот городок являлся важным приграничным оборонным и торговым центром. После окончания Северной войны границы государства заметно раздвинулись в запад-

ном направлении, и он утратил свое былое значение. Энск показался мне много меньше любого района в Петербурге. Скоро выехали на его окраину. Дома здесь все больше одноэтажные, деревянные, иногда с красивыми резными окошками. В таких строениях при царе жили мещане, купцы средней руки или успешные мастеровые люди.

Тут Лиза сказала, что теперь уже совсем близко и машину лучше оставить на стоянке возле магазина. Там рядом еще три других машины было. Правда, на одной из них почему-то сняли два колеса. Закрыл свою машину, все проверил и поставил на сигнализацию. Дальше мы пошли пешком мимо какого-то старого завода. Пустые заброшенные цеха, ржавые рельсы, колючая проволока и горы строительного мусора. Под самой крышей здания из красного кирпича видны цифры с датой его постройки: 1893 год. Рядом, на панельной бетонной коробке еще можно было прочесть поблекший лозунг: «Наша цель — коммунизм». Как-то неуютно показалось в таком месте. Мне сразу вспомнилась «Зона» из кинофильма Андрея Тарковского «Сталкер»...

– А метеорит там, случайно, не падал?

– Вопрос конечно интересный, но не шути напрасно. Я его тоже тогда задавал. Говорят, что-то любопытное в этом месте все же было, давно, в 70-е годы прошлого века. Только речь шла не о небесном теле, а о закрытом оборонном предприятии. Чем они там занимались – никому неизвестно. Потом в 90-е это предприятие закрыли, а все оборудование

куда-то вывезли. Слухов ходило много, но повторять их не стану, поскольку считаю себя серьезным человеком.

В общем, прошли мы эти заводские руины. Дальше была какая-то речка и мостик через нее деревянный. Немного странным показалось, что вокруг зима, мороз, а здесь речка не замерзла, и вода в ней на ощупь показалась мне теплой. Пар вокруг поднимался, а по ее берегу травка зеленью пробивалась. Уже чуть дальше от нее снова начиналась зима: все деревья льдом и инеем покрылись, настоящее царство Снежной Королевы.

После участка леса опять деревянные дома пошли, столбы линии электропередачи, только они почему-то оказались без проводов. Видно, обрезал кто-то. Улица тоже странная, без названия, а дома без номеров. Одно имя ей хорошо подходило: зона...

По ту сторону

Место, где мы вскоре оказались, было похоже на покинутую деревню. Вокруг ни души, пусто. Справа чернели стены какой-то покосившейся, заброшенной деревянной церкви..

Должен сказать, что с того времени, как мы перешли речку, Лиза повела себя немного странно, никогда прежде ее такой не видел. Она заметно волновалась, даже с лица стала выглядеть по-иному. «Теперь уж совсем близко, – тихо сказала Лиза, будто кто-то мог слышать ее на пустой улице, –

Как зайдем туда, ни с кем не разговаривай и не прикасайся к чужим вещам. Сиди, смотри и жди меня. Ни чему там не удивляйся».

Скоро подошли к глухому деревянному забору. Лиза толкнула калитку, и мы вместе вошли. Сразу попали на крыльцо маленького, почти игрушечного и чрезвычайно бедного дома. Вход туда оказался низким даже для моего небольшого роста. Все это показалось мне больше похожим на звериную нору. Такое ощущение у меня только усилилось, когда мы с Лизой оказались в длинном, мало освещенном коридоре, по стенам которого было развешено множество разных православных лубочных картинок. Здесь уже собралось 10–12 человек, по большей части женщины самого разного возраста. Все они ожидали своей очереди к Анне Ивановне. Лиц примечательных среди них не заметил. Показалось, что многие из них были больны, но скорее не физически, а душевно. Они бледны, глаза потухшие и чаще всего опущены вниз.

Эти люди не разговаривали и не заводили меж собой знакомства. Предположил, что многие здесь бывали прежде и друг о друге уже знали немало. Если что-то и объединяло их всех, так это полное безразличие к окружающему. Какое-то другое состояние, будто все они уже отрезаны от него. Здесь собрались отчаявшиеся люди, потерявшие всякую надежду на решение своих проблем в привычном человеческом мире. Вроде этот мир уже подтолкнул их к самому краю, и люди

решились идти сюда.

За дверью, куда все ожидали своей очереди, что-то происходило, причем, довольно странное. В соседнем помещении женский хрипловатый голос читал молитву, уговаривал и даже ругал кого-то. Другой голос ему возражал, злился, выли или визжал, словно тупая пила на крепком сучковатом дереве. Вначале мне показалось, что этот другой голос принадлежал мужчине, но потом и вовсе отказался от такой мысли. То, что потом неожиданно пришло в голову, заставило внутренне содрогнуться. Этот голос не мог принадлежать обыкновенному человеку. Он еще немного поскулил и затих совсем. Теперь прежний хриплый голос читал молитву, кому-то что-то советовал. Потом дверь отворилась, и оттуда вышли четыре женщины с маленьким годовалым ребенком. Лица у них были просветленные и радостные. Всех просили подождать, поскольку в комнате приема теперь мыли полы.

Позднее спросил у Лизы про все это. Она немного удивилась и сказала, что сама ничего подобного в этот момент не слышала. Потом добавила что-то про раздвоение личности, как последствия психологической травмы: «Такое явление для современных людей не слишком редкое. Только у здорового человека при раздвоении личности они могут спокойно спорить между собой, а сам процесс остается управляемым. У больного человека из-за возникшего противоречия начинается внутреннее саморазрушение, которое может завершиться суицидом. Иногда в сознании одного человека

уживаются две совершенно разных личности: одна нормальная, скромная и другая, жестокая и порочная. Эту, вторую, в жизни часто называют бесом, которого следует изгонять. Именно этим здесь и занимается Анна Ивановна. Она шептунья, что она говорит в этот момент – никому неизвестно. Слышно, как молитвою врачует человеческие души, ставит защиту от порчи. Исцеление словом у нее основано на вере.

Ты еще здесь самого страшного не видел. Люди, которым изгоняют бесов, становятся непохожими на себя, говорят чужим голосом, у них начинаются судороги».

Признаюсь, что не все подобное мне захотелось увидеть воочию. Однако простое человеческое любопытство толкало меня дальше.

В комнату снова вошло несколько человек, и дверь туда больше не закрывали. Теперь среди них оказался мужчина, который жаловался на боли внизу живота и в поясничной области. Я пересел в коридоре на другой стул таким образом, чтобы мне была частью видна небольшая комната, где шел прием посетителей. Стены ее были увешаны старинными иконами, на столе горела свеча, пахло горячим воском.

За столом сидела пожилая, совершенно седая женщина с немного плоским лицом, какое чаще встретишь в Поволжье, нежели здесь, на нашем Севере. Это и была знахарка Анна Ивановна. Она крупна и грузна телом, немного сутулилась и, скорее всего, была даже горбата. Одета она очень просто. Так в наших деревнях обычно ходили по двору, если выпол-

няли повседневную домашнюю работу. Сразу обратил внимание на ее руки. Они у нее сильные, как у борца, с отеками и вспухшими от работы пальцами. Предположил бы, что руки ее обладали самой особенной чувствительностью и являлись важным инструментом в исцелении. В разговоре с обратившимися к ней людьми, Анна Ивановна часто выглядела грубоватой и жесткой на язык. Поучения и советы у нее получались категоричными. Так в старое время разговаривали с малыми и неразумными детьми. Иногда казалось, что она знала все наперед, кто и зачем к ней сейчас пришел. Думаю, что встретив где-нибудь на улице, наверняка посчитал бы ее самой обыкновенной малограмотной и ничем не примечательной старушкой. Здесь же передо мной сидела старая женщина, имевшая большую власть над людьми.

Нашептывая что-то, она провела своими руками над головой мужчины. Тот после этого сразу закрыл глаза. Массируя его тело, она с первого раза определила больное место. Поинтересовалась, не ставили ли ему врачи раньше одно мужское заболевание. Мужчина отвечал на все вопросы быстро, не задумываясь, словно находился во сне. Здесь о себе все так рассказывали. Анна Ивановна посоветовала мужчине для полного исцеления прийти сюда еще дважды. Потом «зарядила» своей молитвой, крестом и прикосновением принесенную ей воду, соль и масло. Пояснила, как всем этим следовало пользоваться. Уже прощаясь с мужчиной, знахарка поинтересовалась, болит ли у него поясница как прежде.

Он улыбнулся и сказал, что теперь боли не чувствует вовсе.

Кажется, что такой открытый процесс лечения на всех производил должное впечатление. Люди начинали верить в благополучный исход своего посещения и уже видели в Анне Ивановне свою спасительницу. Все это действовало, как гипноз, но думаю, что его здесь не было совершенно. В комнате происходили совсем не цирковые фокусы и действовали другие, неизвестные мне силы.

Не стану описывать всех, кто пришел к знахарке в тот день. Здесь были люди из разных мест, из Москвы и Петербурга тоже приехали. Все они каким-то образом находили этот дом без адреса. Помню там одну пожилую женщину, у которой пьющие дети отняли квартиру и пытались выставить ее на улицу. В полиции женщине помочь отказались. Теперь она пришла сюда. У нас же главный дефицит не с наличием профессиональных специалистов, а в отсутствии у них человечности и человеколюбия. Анна Ивановна бралась всем помочь, но чуда советовала быстро не ждать.

Еще была женщина из Петербурга, врач скорой помощи. У нее не складывалась личная жизнь, имелись какие-то нелады на работе. Сюда она пришла с ребенком лет пяти. Выслушав ее, Анна Ивановна посоветовала ей в первую очередь заняться своей дочерью, в которой сразу прочитала бесенка: «Посмотри, что с ней он делает, а ты говоришь, логопед нужен».

Не взялся бы судить про наличие беса у ребенка, но мне

показалось, что помощь толкового психиатра была срочно нужна самой матери. Состояние ребенка вызывало сожаление и тревогу за ближайшее будущее.

Какая-то женщина пришла сюда, чтобы отблагодарить Анну Ивановну, которая по фотографии вылечила ее мужа от пьянства и вернула его в семью. Другая женщина благодарила знахарку за лечение от женского бесплодия. Получалось, что все приносили ей какие-то деньги, которые она принимала как должное, ни разу не считала, а только совала их в карман своего фартука. Одной женщине знахарка сразу же вернула деньги обратно – у бедных она не брала вовсе.

Теперь пришел черед моей бедной Лизы, встала и пошла. Жалко стало ее очень. Уж больно хороша была дочка в тот момент, слишком отличалась от окружавшей нас публики. Что и как там у нее было, смотреть не стал. Спустя минут десять Лиза вышла оттуда радостная. Ей снова обещали, что все будет хорошо. Нужно было только сразу пойти в храм и поставить свечи Иисусу Христу, святому Николаю Чудотворцу и Божьей Матери.

Признаюсь, что уходил оттуда почти бегом и с большой радостью. К тому времени находиться там, мне стало невозможно. Место это совсем не для зрительского интереса. Увиденное давило на меня своим тяжким грузом. Вышли на улицу, а там солнце зимнее светит, снег белый искрится. Настоящая божия благодать, сразу на душе легче стало. Однако полное облегчение испытал, только когда пришли в цер-

ковь. Кажется, никогда так искренне не молился и не просил у Господа защиты для своей дочери Лизы.

Помнится, спросила она у меня, верю ли в чудесную силу этой бабушки, мог бы сам к ней обратиться? Ответил тогда уклончиво, не стоило отрицать очевидного факта. По-видимому, эта старушка действительно многое умела.

Каждый взрослый человек волен делать свой выбор и решать, куда ему следовало идти. Это не мой выбор. Слишком часто мы принимаем на веру новые истины. Доверяемся и открываем свою душу, а потом надеемся и ожидаем чуда.

Жизнь научила меня просить помощи только у Бога, но делать все самому и никогда не надеяться на скорый результат, в жизни многое стоило большого труда. Всегда помнил, что силу для этого мне давала моя вера..

– Что же, так и будешь ездить сюда, Лизонька? – спрашиваю ее. – Ведь ты уже привыкла ко всему этому и, мне кажется, совсем потеряла волю. Теперь всегда будешь искать Анну Ивановну возле себя.

– Нет, папа, я так совсем не думаю и приеду сюда не скоро. По крайней мере, в ближайшее время не планирую этого. Но мне так иногда хочется услышать от нее добрый и мудрый совет, – Лиза широко улыбнулась, сверкнув ровными красивыми зубами..

Павел Андреевич закончил свой рассказ, и мы вместе продолжили смотреть на догорающие угольки. Они теперь все больше тускнели и покрывались седой патиной пепла.

Время неумолимо шло дальше. В соседней комнате настенные часы били двенадцать, их глухие звуки плыли по пустому темному дому и сообщали нам о начале нового дня...

Сиреневая аллея

Художник Шиловский отодвинул к стене мольберт и задумался. В общем, неплохо сегодня получилось. Пожалуй, здесь можно было добавить еще немного белил для изображения солнечного блика. Натюрморт с букетом сирени у окна, бегущие узоры тени занавесок на дощатом некрашеном полу. Все это было написано крупными размашистыми мазками, через которые сквозили участки белого грунтованного картона. Гроздь кудрявой сирени на картине художника выглядели размытыми цветовыми пятнами, но стоило сделать несколько шагов назад, как все они чудесным образом соединялись в одно красивое изображение. В это время ветер со стуком форточки ворвался в комнату. Тишина качнулась, дхнуло близким дождем и молодой зеленью. Настоящая живая сирень стояла в вазе на прогретом солнцем подоконнике и выглядела поникшей, ее листья были похожи на повисшие носовые платки. Теперь сирень жила только на его картоне...

С давних пор Шиловский взял для себя правило в начале летнего сезона рисовать на даче натюрморты с букетом сирени. Все это он потом часто дарил своим гостям. Такие занятия тренировали глаз и руку, заряжали художника особой энергией, позволяли настраиваться для работы над серьезными живописными полотнами.

Собравшись по цеху говорили, что творчеству Шиловского характерна страстная любовь к природе, ее цветущему многообразию и мимолетности, стремление уловить и запечатлеть мгновение. Кто-то видел в его картинах человека мечтательного, самоуглубленного и пронзительного, уходившего в созданный им вымышленный мир. Это породило легенду о странностях характера, необщительности, одиночестве, замкнутости художника. Многим казалось необычным, что он на всех своих полотнах писал только одно единственное женское лицо...

В это время его друг, доктор частной практики Юрий Михайлович Барышев, потягивал из бокала белое сухое вино. Он просто получал удовольствие от увиденного действия. Все выглядело как хорошо сыгранный спектакль, где единственную роль исполнял сам Шиловский. По ходу своей работы художник давал какие-то пояснения присутствующим, что и почему он так делал. «Дмитрий Сергеевич, скажите, пожалуйста, – обратился он к Шиловскому. – Мне понятна необходимость натюрморта для художника, но откуда у вас такая привязанность именно к сирени? Вокруг много и других замечательных вещей».

Шиловский плеснул себе в бокал немного вина и покрутил его в руке, внимательно разглядывая на свет: «Признаюсь, действительно люблю писать сирень. С ней связана дорогая для меня романтическая история. Каждый раз вспоминаю за мольбертом один и тот же июньский вечер, прове-

денный когда-то с моей Аннушкой в Царском Селе».

«Так я и думал, Дмитрий Сергеевич. Есть в вашей сирени какая-то особенная легкость, неудержимая, рвущаяся через краски радость вечной молодости. Расскажите мне свою историю, не откажите в любезности», – доктор приготовился услышать сегодня нечто необыкновенное.

«Конечно, теперь это можно сделать, с тех пор прошло уже немало времени, – согласился Шиловский. – Как говорит моя Аннушка, любовь свою и чувства нужно еще вырастить в прекрасный цветок. А по большому счету, все только от нас самих и зависит. Случилось это семь лет назад, мы оба тогда были немного моложе. Как и сейчас, стояло начало июня, и погода тоже не баловала. Это были самые первые теплые летние дни, время цветения сирени. Дел, как всегда, оказалось много, но мы решили все отложить и уехать в Царское Село.

По дороге мы про станцию метро «Пушкинская» вспоминали. Она же возле Витебского вокзала, который прежде Царскосельским назывался. Здесь когда-то первую железную дорогу строили между Петербургом, Царским Селом и Павловском. Понятно, что Александр Сергеевич Пушкин и Царское Село тесно связаны, отсюда и такое название у станции метро появилось. На ней поставили подземный гипсовый памятник Пушкину работы скульптора Михаила Аникушина. Сидящая фигура любимого поэта с веткой сирени в руках. За ним располагалось интересное мозаичное панно

с уголком Царскосельского парка. Пушкин здесь выглядел уже зрелым, спокойным и немного грустным. Наверное, он вспоминал о прошедшей молодости и своих лицейских годах.

В общем, сильно захотелось нам увидеть это место в Царскосельском парке и, непременно, тот самый куст, на котором Александр Сергеевич когда-то эту ветку сирени сломал. Понятно, что сами это придумали, но все равно получалось интересно и весело.

Нужно сказать, что у сирени в Царском Селе имелась давняя история. Со середины XVIII века в парках стали высаживать кусты этого растения из самых разных стран. Отдельно можно рассказать о Сиреневой аллее, которая в XIX веке протянулась от Розовой караулки до самого Крестового канала. Сирень туда привезли из германского городка Любека.

С некоторого времени там даже стали проводить праздник, Сиреневый день. На нем приветствовался сиреневый цвет в платьях у дам. Сказывали, что у последней русской императрицы Александры Федоровны была необыкновенная слабость к цветам, к сирени и сиреневому цвету особенно. Потому в ее комнатах в Александровском дворце в Царском Селе везде присутствовала такая цветочная тематика. У нее имелась особая Сиреневая гостиная, где круглый год стояли вазы со срезанными ветками цветущей сирени. Сиреневым был шелк обивки в личном кабинете императрицы, в нем стояла бледно-лиловая мебель. Александра Федоров-

на предпочитала сиреневые тона в своих платьях и ароматы сиреневых духов.

Возможно, что все это следствие тоски императрицы, навсегда покинувшей родные края. Сирень в Германии любили и часто украшали ею свои дома. Теперь запахи цветов заполняли все комнаты Александровского дворца. Так продолжалось вплоть до самого ареста царской семьи в 1917 году. После этого все цветы вынесли из дворца, поскольку «заключенным такая роскошь не полагалась».

Правда, Сиреневого дня в тот раз в парке не было, даже не вся сирень еще распустилась. У Аннушки не оказалось с собой сиреневого платья. Решили заменить его обычной курткой синего цвета. Довольно скоро мы оказались на Сиреновой аллее Екатерининского парка. Прежде никогда там не бывали в период цветения. Медленно двинулись меж высоких кустов в сторону дворца. Толстые извилистые стволы говорили нам о своем давнем происхождении. У каждого куста мы останавливались и вместе нюхали грозди белого, розово-лилового, пурпурного и сиреневого оттенков. Иногда там попадались совсем необычные кусты махровой сирени с темно – розовыми бутонами и крупными ароматными цветками. В какой-то момент наши губы оказывались совсем близко, и нам ничего не оставалось, как соединять их в долгий поцелуй. Вначале мы оглядывались, не видел ли кто? Потом и вовсе перестали об этом думать. Каждый раз после такого поцелуя нас обдавало влагой и запахом цветов. Скоро кустов

сирени на аллее нам показалось мало, и мы продолжили целоваться в других укромных тенистых уголках парка.

Медленно спустилась летная белая ночь. Она растекалась бледными лиловыми, фиалковыми и сиреневыми оттенками. Цветочные запахи в вечернем холодном воздухе еще больше усиливались, каждый куст сирени имел его свой, особенный. На фоне светлого ночного неба кроны деревьев приобрели темный, бархатный фиолетовый цвет. Только самый край неба по-прежнему сверкал пылающими алыми красками, словно чья-то невинно пролитая кровь.

Теперь мраморные тела многих статуй парка показались нам ожившими и пришедшими в движение. Две такие женские фигуры возле дворца принялись увлеченно шептаться между собой.

– Как-то утром, гуляя одна в саду, я встретила графа N. Он подошел ко мне и заговорил торопливо и дружески, как делал всегда с теми, кому хотел показать свое хорошее расположение. Разговор пошел о моей двоюродной сестре.

– Друг мой, княгиня, – сказал он мне, – чем дольше я вижу эту восхитительную Психею, тем скорее теряю голову. Она несравнима, вот только сердце ее совершенно нечувствительно к моей любви. Она не ценит самых нежных чувств, самого почтительного внимания.

– Внимания, кого?

– Того, кто боготворит ее, он сейчас перед вами.

– Но позвольте, дорогой граф, – говорю ему я. – У нее

есть муж, прекрасный и достойнейший человек. Вы, кажется, совсем сошли с ума. Велите лекарю поскорее пустить себе кровь, это вас немного успокоит. Поверьте мне, такая страсть ваша граничит с низостью.

Наверное, в этом парке все говорили о любви, по крайней мере, так нам тогда казалось. Ноги наши уже подкашивались, и головы слегка кружились. Только совсем не усталость была главной тому причиной.

Мы отыскиали статую нимфы в Собственном дворике у Екатерининского дворца. По замыслу автора она должна была собирать цветы, поэтому возле нее оказалась овальная клумба из живых красных тюльпанов, окаймленных анютиными глазками. На память Аннушке пришли строки стихотворения Иннокентия Анненского о Царском Селе:

Там нимфа с Таицкой водой.
Водой, которой не разлиться.
Там стала лебедем Фелица.
И бронзой – Пушкин молодой.

Слушал ее и думал тогда, что она сама очень похожа на такую нимфу. Тот же нежный овал лица, линии плеч и совсем маленькая изящная ножка. Не удержался и рассказал ей все об этом. Она рассмеялась, взяла меня за руку и повела к Гроту на берег Большого пруда. Кажется, именно там когда-то сидел Александр Сергеевич. С этой позиции точно так же просматривалась перспектива Камероновой галереи.

Заглянули на каменный пандус с рельефными изображениями ликов римских богов. Они выглядели задумчивыми, суровыми или бесстрастными, как все великие вершители человеческих судеб. Каменные рты их слегка открыты. Совершенно спонтанно у нас возникла идея совать туда по очереди руку и отвечать на разные важные вопросы. Получалось что-то вроде нынешнего детектора лжи. Только здесь, в случае обмана с нашей стороны, мы рисковали остаться без своих пальцев. Руки и пальцы тогда не жалели, но эти каменные бородатые физиономии и прочие кровожадные морские чудовища откусывать их почему-то не торопились. Скорее всего, про свою любовь мы тогда говорили друг другу чистую правду. У паркового фонтана «Девушка с кувшином» мы пили ключевую воду, вместе загадывали тайные желания, которые были понятны обоим. Нам хотелось, чтобы это время никогда не кончалось.

На обратной дороге Аннушка отломилась себе небольшую ветку сирени. Цветы источали мягкий тонкий аромат, и для поцелуя нам уже не требовались поиски новых зарослей. Теперь Аннушка вспомнила про посадки сирени у павильона «Белая башня» в Александровском парке. Вообще, она знала здесь много интересного и могла рассказывать об этом часами. Кажется, она привела меня в самый дорогой для себя мир. Смотрел на Аннушку и думал, что именно сейчас увидел ее по-настоящему. Совсем иначе, будто прежде знал в ней другого человека.

Эта поездка необыкновенно сблизила нас, вроде подтолкнула друг к другу. А еще она подарила особое состояние, когда в каждом из нас открылось много хорошего, до времени спрятанного в уголках души. Здесь, в Петербурге, на все это требовалось гораздо больше времени. Кто знает, может быть, без такой поездки наше знакомство с Аннушкой ничем не закончилось. Мы с ней после этого не расставались, и, признаюсь, еще больше полюбили Царское Село».

«Пожалуй, вы правы, дорогой Дмитрий Сергеевич! – согласился Барышев. – Есть в таких местах особая раскрепощающая атмосфера. Здесь даже время течет по-другому. Со всем не зря императорские особы пару столетий предпочитали их холодному и скучному Петербургу. Любили бы и потом, только выпала им последняя дальняя дорога и сибирский казенный дом.

По мне наша Северная столица чем-то похожа на человека, застегнутого на все пуговицы в казенный мундир, здесь вечно что-то на тебя давит и небо слишком низкое. Добавьте сюда свою работу, где вас давно многое не устраивает. Тут уже не расслабиться, нужно периодически сменять обстановку. По своему теперешнему положению предпочитаю путешествовать один и отдыхать от семейных забот. Это всегда получается спокойней и вдвое дешевле. За год мы с женой друг другу до чертиков надоедаем». Он с удовольствием потянулся на диване и зевнул в свой маленький сухой кулачок..

Шиловский вздрогнул, самые обыкновенные слова почему-то задели его и разбудили неприязнь к доктору. Он с сожалением подумал, что тот увидел в его рассказе лишь обычную для мужской компании банальность. Кажется, ничего особенного сегодня не произошло. Барышев умен и в меру ироничен, он признанный специалист в медицинских кругах. Благодарные пациенты часто передавали его телефон знакомым, студентки мединститута, где он читал лекции, влюблялись в него. В кругу своих друзей доктор считался безупречным джентльменом. При этом он всегда оставался умеренным во всем человеком. Барышев не мучился какими-то сумасшедшими идеями и не совершал глупостей. При этом он никогда не забывал о себе, любил хорошо одеваться, вкусно поесть, не отказывал себе в возможности приударить за приятной для него женщиной. В общем, весь этот мир существовал для него, а не наоборот. Шиловский совершенно неожиданно для себя заметил, что у доктора не по-мужски красивые руки. Холеные и белые, с розоватыми, аккуратно отточенными ногтями.

Художник улыбнулся и отвернулся к окну. Даже спустя много лет его чувства к любимой женщине не потеряли волнительного ощущения новизны. Каждая близость рождала между ними вольтову дугу, их словно начинало бить током. Вот и теперь окружающий мир куда-то исчез. Перед Шиловским возникали сменяющие друг друга картины, изображавшие неизвестное заброшенное старинное имение и цветущее

щий сад. Потом он увидел свою Аннушку в длинном платье лилового цвета. Она шла ему навстречу по высокой траве. Снова и снова падали на их постель гроздья цветущей сирени, они вместе тонули в их запахах. Перед ними открывался безбрежный сиреневый океан. Гроздья сирени рассыпались крохотными звездами и казались пеной на гребнях высоких волн, шедших от самого горизонта...

Шапель для Александры

Каждой осенью мы всегда выбираем день, чтобы приехать сюда, в Царское Село. Дивную красоту дарит старый Александровский парк в эту пору. Временами похожий на природный лесной массив, он предлагает сердцу тишину и покой. В терпком, пьянящем голову осеннем воздухе уже чувствуется приближение холодов, а с ними наступление скорой смерти для задержавшейся в парке зеленой листвы. Деревья медленно погружаются в сказочный сон, сыплют на землю золотом и багрянцем. В осеннем шорохе мы убеждаемся, что смерти в природе нет, есть только спокойная и мудрая вечность. Нужно только почувствовать ее и полюбить или прочитать о ней в строках Александра Сергеевича Пушкина:

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

У Царского Села есть удивительное свойство каждый раз открывать для нас что-то новое и необыкновенное. Вот и

сейчас мы замечаем на самой окраине Александровского парка среди верхушек деревьев незнакомую высокую башню с шатровой кровлей и часами – символом неумолимого времени. На самом верху башни виден флюгер с поющим петухом, напоминающем об отречении и раскаянии апостола Петра. Обычно так украшают башни протестантских храмов. Еще несколько шагов и перед нами отрывается полуразрушенная часовня в готическом стиле с зубчатыми стенами, стрельчатыми порталами-входами и узкими окнами на втором этаже. Теперь видно, что окна на башне слепые, ложные, как и многое другое, имитирующее в парке руины средневекового сооружения. Это павильон «Шапель» (франц. chapelle – капелла), построенный в 1825–1828 годах по проекту А.А. Менеласа. Впрочем, он таким и задумывался, как место романтического уединения и часть декораций для рыцарских игр царской семьи.

Капелла – небольшой католический храм или его часть, имела распространение также в англиканстве и лютеранстве. Возвышавшиеся среди зарослей Александровского парка острые шпили и башни создавали для окружающих иллюзию средневекового государства, по которому разбросаны затерявшиеся в пространствах жилища феодалов – сюзерена и его вассалов. Нагромождения гранитных камней, покрытых мхом, дополняли иллюзию открывшихся взгляду развалин. Особый романтический дух этого места был сразу оценен петербуржцами, появилось немало легенд. Рассказывали, что

если опустится рука у мраморной фигуры Христа – Спасителя, установленной в помещении капеллы, то наступит конец света. Разные люди сообщали, что в капелле проводились тайные встречи мистиков и масонов. Позднее там стали собираться члены запрещенной ныне секты, а потом и вовсе бандиты, грабившие случайных прохожих. Получалось, что у каждого времени для башни находились свои романтические герои и особые события.

Божья мельница мелет медленно, но верно. С тех давних пор здесь многое сильно изменилось. Большая часть ценностей капеллы пропала бесследно, а оставшаяся навсегда переместилась в бездонные музейные фонды. После завершения последней реставрации подлинник флюгера с петушком установили под аркой внизу. От военного времени на нем остались следы от пуль и осколков. На шпиль башни подняли его воссозданную копию. Это напоминало посетителям о непростом времени для Царского Села и всей нашей страны. Тогда здесь стояли наши зенитные орудия, а потом сюда пришли немцы и стали использовать капеллу как свой наблюдательный пункт.

По узкой лестнице мы быстро поднимаемся на террасу капеллы. Здесь дует сильный ветер, качающиеся ветви деревьев кажутся совсем близкими. Теперь мы, словно птицы, видим парк с высоты. Дверь с террасы в капеллу открыта. Там еще не убрали последние строительные леса, но все основные работы уже закончены. По счастью стены капеллы

не блистают кукольной новизной, реставраторы только разумно закрепили сохранившуюся часть шатровой потолочной росписи и не восполняли утраты. Получалось, что время все еще продолжало здесь жить. На месте прежней мраморной фигуры Христа – Спасителя теперь стояла статуя Девы Марии с плачущим младенцем, родившимся Христом. Ему еще только предстояло стать Спасителем, а его матери – Матерью всех христиан. Свет длинным лучом падал на фигуру Девы Марии из единственного стрельчатого окна и сразу притягивал к ней внимание. Изысканно исполненная из белого италийского мрамора фигура создавала иллюзию живого теплого тела, заключенного в длинные складки ниспадавшей одежды.

«Боже, какие у нее руки, как она держит своего ребенка!» – удивилась ты. Да, это были руки настоящей матери, они не только поддерживали свое дитя, они всегда обнимали и защищали его.

В небольшом помещении с устремленными вверх высокими стенами было ощущение неба и удивительно сильная акустика. Мне захотелось крикнуть или запеть, но ничего в голову так и не пришло. Какое-то полное растворение в увиденном пространстве.

Ты положила свой осенний букет к ногам Девы. Красные и желтые листья выглядели на белом мраморе совсем как цветы. Потом что-то поискала пальцами на дисплее смартфона и положила его рядом. Послышались торжественные звуки

органа. Это была немного грустная и одновременно светлая музыка: «Ave Maria» Иоганна Себастьяна Баха. Спокойная в начале, в своей кульминации она звучала с мольбой, с волнением и горячо. Потом наступало успокоение и просветление. Оно приходило к нам, как слезы раскаяния, как ожидание продолжения любви.

Очень скоро мы выяснили, что в образе Девы Марии перед нами предстала умершая в 19 лет младшая дочь императора Николая I великая княжна Александра. Это было творение известного скульптора Ивана Петровича Витали, итальянца по происхождению и русского по воспитанию, языку и сюжету своих работ.

Судьба великой княжны трагична и очень похожа на сказку. Она обладала удивительно красивым голосом (сопрано). Ее музыкальное дарование было столь велико, что оно повергало в изумление даже опытных и профессиональных певцов итальянской школы и венских музыкантов. В ее голосе было что-то необычайно трепетное, теплое и волнующее. Седовласые профессора вокала из Рима и Берлина только восхищенно качали головами: «Это невероятно! В горле у русской принцессы живет соловей из эдемского сада, а из ее рук музыка течет, словно струи родника». По своему высокому положению она могла петь только в камерных гостиных Эрмитажа, на сцене придворного театра, будуарах и залах императорских дворцов. А еще княжна недурно рисовала, много читала, выбирая для себя романтическую поэ-

зию Василия Жуковского, исторические и религиозные по содержанию книги. Правда, она так и не научилась свободно говорить на родном русском языке. Виной тому оказалась ее воспитательница – англичанка, с которой она проводила слишком много времени.

С раннего детства Александра привлекала общее внимание прелестью своей болтовни. Обладая богатой фантазией, она на ходу придумывала разные истории и легко переселялась в созданные самой образы. Она могла свободно вести разговоры с кем-нибудь из незнакомых людей совершенно как взрослая и, при этом, не казалась окружающим преждевременно развитой. В доме ее все любили, а дети придворных ее возраста просто обожали.

Говорят, что такая ранняя смерть – это привилегия особенно ярких и избранных натур. Будто Господь, услышав чистый ангельский голос, поторопится забрать ее в свое царство небесное. Первым на нездоровье княжны обратил внимание учитель пения, однако все придворные врачи поспешили успокоить венценосных родителей. Проницательный учитель – итальянец за это серьезно поплатился. Его отстранили от занятий с Александрой, и он был вынужден навсегда покинуть Россию. Меж тем врачи тогда проглядели признаки развития страшного заболевания – туберкулеза легких, или, как тогда говорили, чахотки. Это был самый настоящий приговор.

К этому времени Александра Николаевна превратилась

в настоящую красавицу. Очень скоро на нее обратил внимание наследник датского престола немецкий принц Фридрих-Вильгельм-Георг-Адольф, сын ландграфа Гессен-Кассельского, получивший от императора Николая I предложение посетить Россию. Между молодыми людьми, словно искра пробежала, это была любовь с самого первого взгляда. Принц попросил ее руки и получил согласие, не возражали и родители Александры, хотя понимали, что дочери придется жить в Дании, с которой у России прежде не было близких родственных отношений.

Настоящая любовь между принцами и принцессами крови, отягощенных званиями, титулами, тронами и коронами – явление в Европе крайне редкое. Гораздо чаще им приходилось отказываться от нее пользу государственной целесообразности. Однако император Николай Павлович в любви разбирался изрядно и препятствий молодым людям чинить не стал. Он даже пожаловал избраннику своей дочери главную награду Российской империи – усыпанный брильянтами орден Святого апостола Андрея Первозванного, взяв тем самым, как гарант неприкосновенности европейских престолов, покровительство над крохотным немецким княжеством. Этой чести прежде удостаивались русские полководцы Александр Суворов, Михаил Кутузов, Петр Багратион, а также известные иностранные подданные: император Наполеон Бонапарт и герцог Веллингтон.

С этого момента мольберт с портретом возлюбленного

принца занял главное место в девичьей комнате Александры. Конечно, она видела его тогда через поэтическую вуаль своих восемнадцати лет. Избранник великой княжны Александры, принц Фридрих, выпускник Боннского университета, морально и духовно заметно не дотягивал до ее уровня. Тогда она с удовольствием занялась его развитием, «читала с ним Плутарха, чтобы пример благородных мужей помог ему». Александра совершенно счастлива, как могло быть счастливым только юное влюбленное существо. Она еще ничего не знала о грозящей ей опасности. Иногда ее донимал затаенный кашель, но никто не придавал этому серьезного значения. Александру поили разными микстурами и укладывали в постель. Ее жених Фридрих, в чьих жилах текла кровь шведского короля Карла XII, навещал свою певунью-затворницу, обложенную подушками, с неизменной улыбкою и букетом свежих, еще нераспустившихся примул или гортензий.

Позднее мне удалось отыскать немало рисунков, акварельных и написанных маслом портретов великой княжны, изображавших ее в разные годы жизни. На многих из них лицо у Александры получилось очень живым. Черты его показались мне не совсем правильными, но это была особая, своеобразная красота. Она никого не могла оставить равнодушным. На всех портретах обращала на себя внимание ее необыкновенная осанка, а точнее, «музыкальная посадка» и постановка рук, скрытая за ними певучесть и девическая

гармоничность ее души. Все это можно было прочесть даже в мраморном изваянии скульптора Витали, где статуя выполнена в полный рост, стоящей на облаках. Профиль лица получился совершенно ее, и сходство показалось мне поразительным.

Скоро сыграли их свадьбу, и все строили планы на будущее. Александра на балу была столь весела и обворожительна, что ее близкие снова забыли о робких предостережениях докторов. Только и было разговоров, что скоро улетит русский соловушка в чужие земли. Никто не думал, что эти далекие дали могли стать Небесными. Родители все еще отчаянно надеялись увидеть свою младшую дочь полностью здоровою.

Меж тем молодые уже ждали прибавления в семье, мечтали о мальчике, которого они назовут в честь деда Вильгельмом. Как иногда случалось, будущая мать в ожидании своего часа расцвела необычайно. Даст бог, чтобы все ее прежние хвори растаяли без следа, в этот миг кроветворение в организме женском менялось. Однако болезнь Александры дальше только прогрессировала. В ночь с 28 на 29 июля 1844 года начались схватки, свидетельствовавшие о преждевременных родах. Ребенок появился на свет шестимесячным. Она услышала его плач и была счастлива. Это стало последней радостью в ее земной жизни. Лютеранский пастор тут же крестил младенца под именем Фриц-Вильгельм – Николай. По свидетельству родных ребенок жил до обеда. Александра после

рождения сына уснула, а «...в четыре часа пополудни она перешла в иную жизнь. Вечером она уже лежала, утопая в море цветов, с ребенком на руках, в часовне Александровского дворца».

В ночь после похорон и панихиды принц Фридрих-Вильгельм ступил на борт парохода «Камчатка». Корабль с молодым вдовцом, загруженный царскими сокровищами, полученными им в качестве приданого, отчалил от стенки Кронштадтского порта и взял курс на Данию. Трудно было представить его горе и растерянность. В одночасье он потерял новорожденного наследника и горячо любимую жену. Петергоф, в котором он был помолвлен год назад, навсегда растаял в дымке белой ночи.

Через шесть лет после смерти великой княгини в Царском Селе появилась небольшая часовня, внутри которой была установлена известная нам статуя Александры Николаевны с плачущим ребенком на руках. Для многих это выглядело символичным. Здесь она родилась, здесь провела свои самые последние часы. Не знаю, может под воздействием нашего настроения, в какой-то момент нам обоим показалось, что княжна держала в своих руках мертвого ребенка, но еще не понимала этого. Совсем другая весть о Спасителе, его не было. Потрясенные, мы долго не говорили об этом друг другу. Так чужая боль входила в наши сердца.

Из переписки, сохранившейся в архиве, известно, что идея памятника в виде открытой часовни с памятником при-

надлежала самому императору. Николай Павлович «шапелю сию... желал иметь в таком роде, как имеются в Италии по дорогам», выбрал место для нее и, приехав в Царское Село, «указал направление монумента». Выбор места был обусловлен тем, что здесь поблизости великая княжна любила сидеть на берегу пруда и кормить ручных лебедей. Резную сень, украшенную византийским орнаментом, выполнил петербургский мраморных дел мастер итальянец Пауль Катоцци. На фризе и боковых стенках были начертаны изречения из Евангелия. На верху ажурной крыши находился крест, что придавало памятнику вид часовни. Названная впоследствии «Малою Шапелью», часовня до наших дней в Царском Селе уже не сохранилась. Мраморная скульптура в 1920-е годы была передана на сохранение в Русский музей. Теперь она снова обретала жизнь в возрожденной реставраторами Шапели. Хорошо бы вернуться сюда в июне, через пару лет, когда здесь в полную силу зацветут посаженные рядом кусты сирени французских сортов «Мадам Лемуар» и «Шарль Жюли», чтобы с их запахом вдохнуть удивительный тонкий аромат того бесконечно далекого от нас времени...

Говорят, что император Николай Павлович воспринял тогда безвременную кончину любимой дочери, как расплату за пролитую им русскую кровь на Сенатской площади. Что же, не однажды случалось в истории, когда за совершенные грехи и ошибки родителей приходилось расплачиваться их невинным детям и внукам: «...И было ко мне слово Господ-

не: зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина?»» Мне тогда подумалось о том, что перед Высшим судом мы все одинаково равны, холопы и помазанники божьи. Даже сам не заметил, как разглядел в своенравном самодержце обыкновенного отца, любящего и глубоко страдающего.

Уходя из Александровского парка, мы увидели у пруда рухнувший на землю огромный дуб. Его израненное, покрытое защитными пломбами старое могучее тело постепенно истлело внутри и не выдержало напора сильного ветра. Упавшая зеленая крона все еще продолжала жить, а ствол уже пилили на части, обнажая многолетние годовые кольца. Оставшийся на крепких корнях кричащий обломок ствола, был похож на протянутую из земли руку с открытой ладонью. Кто знает, может быть, он тоже помнил эту печальную историю и старался привлечь внимание, чтобы успеть рассказать нам что-то очень важное...

Ночь музеев

Иван-да-Марья – народное название нескольких травянистых растений, цветы которых отличаются присутствием двух резко различаемых окрасок, всего чаще желтой и синей или фиолетовой. Растет у нас часто по роцам и лугам, чаще в тени, по лесным опушкам; цветет в начале лета...

Из энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

После выхода из больницы Ивану Свешникову захотелось жить долго и счастливо. Пьянящий воздух возвращенного мира будоражил кровь. Предложение Марьи провести в Петербурге и его пригородах ночь музеев, он принял без малейшего колебания. Если вместе, то куда угодно, хоть на край света.

Болезнь снова обозначила ему близость темного и бесчувственного края, за которым заканчивалось любое живое действие. После этого он всегда немного заводился и острее реагировал на окружающее. Вообще начинал вести себя по-другому.

Иван с Марьей знали друг друга много лет и большую часть своей жизни прожили вместе. Очень разные, они научились хорошо понимать и чувствовать друг друга. Удивительно, но именно сейчас он понял, как она ему дорога. Будто впервые увидел и полюбил. Сидя в машине, он краем

глаза незаметно продолжал с нежностью наблюдать за ней и чувствовал себя самым счастливым человеком. Знает ли она, как он ее любит? Ему не терпелось сказать об этом Марише, добавить еще много других замечательных слов, которые прежде не приходили в голову. Иван снова промолчал, а только улыбнулся и продолжал глядеть на дорогу. Может быть, сейчас не самое лучшее для этого время, но потом он обязательно это сделает.

Маркизова лужа

Они начали с Лахты. Сюда, по намеченному ими маршруту, получалось ближе. Эта часть Финского залива прежде и сейчас звалась у местных острословов Маркизовой лужей за свою мелководность и небольшой размер по сравнению с открытым морем. Был в том и особенный оскорбительный намек на некоторых придворных адмиралов, чья морская служба проходила на крохотном, затиснутом прибрежными шхерами участке между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. Высотные городские кварталы здесь уже заканчивались. Дальше начинались небольшие деревянные постройки и огороды поселка, известного тем, что возле этого места в далеком ноябре 1724 года Петр I спасал тонущий бот с солдатами. Так получилось, что увидев такую беду, он не смог проехать мимо. Корабли и солдаты – его малые дети, но царь тогда серьезно простудился и через три месяца умер. С

тех пор наши государи и прочие первые лица так больше не поступали. Неподалеку отсюда нашли и известный «Громкамень» для основания «Медного всадника» на Сенатской площади. Его предполагаемые отпиленные части, исписанные замысловатыми граффити, до сих пор лежали на мелководье. Теперь прежние исторические памятники старого поселка затмила строившаяся здесь башня Лахта Центра, похожая издали на хищный зуб дракона, выросший на плоском, как язык, песчаном берегу.

Промчавшись по Приморскому шоссе мимо верениц унылых загорелых иностранных строителей, они свернули на Береговую улицу и довольно быстро подъехали к воротам яхт-клуба Геркулес. За ними располагалась небольшая искусственно возведенная бухта с многочисленными маломерными парусниками самого разного класса и ценового достоинства. Почти все яхты здесь носили женские имена. В большом крытом ангаре им предложили посмотреть на верфи парусный линейный корабль «Полтава», реплику его исторического тезки, построенного по чертежам Великого Петра. В ангаре пахло свежим обработанным деревом, как это случилось на новой загородной даче.

Лебединые обводы корпуса огромного корабля от самого низа до верха были облеплены строительными лесами, через которые предполагался экскурсионный поход в его внутренние помещения. Всем посетителям выдали оранжевые пластиковые каски. Кажется, сделали это очень вовре-

мя, поскольку, оказавшись на палубе 54-пушечного парусника, Свешников тут же нашел головой низкий поперечный бимс. Каска заметно смягчила удар, а корабль хоть и загудел недовольно, но все же не пошел ко дну. Он пока еще твердо стоял на земле. В дальнейшем ему была уготована невестая судьба музейного аттракциона в местном парке 300-летия Санкт-Петербурга. Строили его умельцы энтузиасты, которые прежде уже спустили на воды Балтики большой исторический парусник Штандарт. Конечно, без такой крылатой мечты заниматься всем этим было бы слишком грустно. «Штандарт» не первый год, как бороздил внутренние воды Евросоюза, и возвращаться на историческую родину пока не собирался...

На каменистом мысе их встретил молодой человек в красном камзоле образца начала XVIII века. На камеру пятого телевизионного канала он произвел выстрел из чугунной корабельной пушки в сторону моря. В качестве боеприпаса сошла обычная петарда, но со стороны все это выглядело весьма неплохо.

Впрочем, всем было понятно, что настоящая жизнь протекала совсем в другом месте, хотя и почти рядом. В это время юные яхтсмены весело зажигали на детских парусных швертботах «Оптимист» по Маркизовой луже. Они полной мерой «отгребали» от своих тренеров недетские замечания и радовались признанию первого успеха. Словно бабочки, яхты весело покачивали крыльями-парусами и шли под вет-

ром, закладывали крутые виражи или ложились в спокойный дрейф. Дети не боялись погружаться в холодную весеннюю воду и вытаскивать свои яхты на берег. Попавшая внутрь их гидрокостюмов, она не вызвала паники даже у родителей. После такой морской прогулки многим детям хотелось рухнуть на землю и лежать без движения. Только так здесь делать было не принято, настоящему яхтсмену следовало уметь терпеть..

К вечеру на берегу стало заметно холоднее, с залива подул сильный ветер. Они решили ехать дальше. Ночь в эту майскую пору не торопилась на грешную землю, несмотря на поздний час. Какое-то застывшее сонное состояние природы, будто, уходя второпях, в доме забыли выключить свет...

В академии

Теперь их путь лежал на Васильевский остров, в Российскую Академию наук на Университетской набережной. Это было что-то из разновидности нового для многих научного туризма. В общем, туда в обычный день почти не попасть – музейное дело совсем не главный профиль для Академии. Марье давно хотелось посмотреть здесь знаменитую мозаику Михаила Васильевича Ломоносова «Полтавская баталия». Они припарковались в Биржевом проезде. По пути Марья показала Ивану корпуса своего института.

В Академии в этот час было немногочленно. Рассмотрев на

лестничной площадке многометровое историческое мозаичное полотно, они отправились дальше. Было интересно увидеть интерьеры старинных залов, почувствовать их внутреннюю жизнь. Здесь когда-то зарождалась российская наука. Иностранных имен в ней тогда было достаточно. Прибывшие гости могли проследить жизненный путь первого великого русского ученого Михайло Ломоносова в представлении его благодарных потомков, услышать любопытную историю мозаичного искусства в России...

Иван и Марья разглядывали экспонаты выставки и тихонько шли дальше. В большом зале член Оптического общества и Лазерной ассоциации, член Союза художников Юрий Ивченко читал лекцию о трагедии Гете «Фауст» в мировом искусстве. На стене зала под роскошным декором демонстрировали слайды малопонятного мистического содержания.

Они быстро оказались в нижних помещениях дворца российской науки. Здесь безраздельно правили бал молодые ученые Института химии силикатов. Длинноногие накрашенные девицы с хитрыми лицами предлагали собравшимся гостям примерить белые халаты, заглянуть в настоящий лабораторный микроскоп или самостоятельно смешать реактивы в пробирках. Рядом отгадывали элементы таблицы Дмитрия Ивановича Менделеева. Участникам химического конкурса, давшим правильный ответ, вручали сладкие конфеты. Чаще других угадывал бледный худой юноша, который тут

же отдавал завоеванные им призы стоявшей рядом девушке. Она смотрела на него с восхищением и гордо оглядывалась по сторонам...

Уже на выходе какой-то аспирант в очках подарил Марье бирюзовый кусочек смальты. Ивану он предложил такой же купить за сто рублей.

– Это та самая, историческая смальта из мозаики? – заинтересовался Иван.

– Нет, конечно. Из этой делали панно на станции «Адмиралтейская», – важно пояснил «очкарик».

– Понятно. Ее туда недавно целыми мешками завозили. Спасибо, что не продаете здесь свою Родину. За доллары, – хмыкнул Иван.

Марья, смеясь, дернула его за рукав и потащила к выходу. По пути Иван успел заметить на стене перепечатку статьи нобелевского лауреата Жореса Алферова из «Советской России». Речь там шла о проблемах российской науки.

– Он же, кажется, коммунист...

– Прежде всего, Алферов – великий ученый, патриот своей страны и честный человек, – уточнила Марья...

В мастерской Аникушина

Ночь – вообще какое-то особое состояние суток, а тут еще интригующий музейный фон и завязывающаяся интересная история. Вполне ожидаемо, что с людьми в такое вре-

мя могло произойти что-то любопытное. Нужно было только не мешать событиям, позволить себе вкатиться в их русло и наблюдать. Тогда, иногда, получалось даже поучаствовать в них.

Если признаться честно, то Иван прежде мало интересовался этим городским культурным мероприятием. В музей можно спокойно сходить в любой будний день и не торчать для этого часами в длинной очереди. Теперь он убеждался в своем заблуждении. Прежде всего, самые известные музеи в акции почти не участвовали, оставляя это право другим, менее продвинутым своим собратьям, небольшим музеям, которые днем частенько оказывались в тени их величественных фасадов. Для них ночь музеев становилось звездным часом, редкой возможностью заявить о себе ярко подготовленным мероприятием и быть услышанными.

Конечно, такое мероприятие не для всех, только для людей, умеющих его оценить. Это небольшое, но дружное и легкое на подъем братство горожан, влюбленных в свою Северную столицу. У Ивана внезапно возникло ощущение, что он давно знал всех этих людей, ему было хорошо среди них. Здесь спонтанно и просто завязывалось общение, новые интересные знакомства. Никакие новомодные квесты, флэш-мобы или перформансы ему не были нужны.

Немного проблуждав по вечерним улицам на Петроградской стороне, они приехали в Вяземский переулок. Про себя Иван отметил, как многолик любимый город в его исто-

рической части. В каждом месте он имел свое особенное, неповторимое лицо и непохожих жителей. Такого 80-летнего бородатого деда, беззаботно катающегося ночью по дорожкам старинного Вяземского сада на самокате, определенно, никогда не встретить в новостройках на его Комендантском проспекте. Там и садов никогда не было. Приветливо улыбнувшись, старик указал им дорогу к мастерской. В этот вечер они у него были уже не первыми.

Поездку в мастерскую скульптора Аникушина они выбрали себе сразу. Что-то притягивало к ней. Здание мастерской оказалось необычным по конструкции, некий образец рациональной архитектуры. Это, когда целесообразность управляла формой и эстетикой. В мастерской нужно было работать с крупноформатными моделями памятников. Так получился двухэтажный фасад из красного кирпича, от которого по косой линии поднимались боковые стены. Задняя одноэтажная сторона завершалась огромным окном, там и находилась мастерская самого Мастера. Иван подумал, что эта мастерская чем-то похожа на цветочную оранжерею, где требовалось много света.

Говорили, что тогда с получением мастерской Аникушину помог случай. Скульптор победил на конкурсе проекта памятника Ленину к столетнему юбилею, и будущую восьмиметровую фигуру вождя просто негде было делать. К тому времени Ленинград уже украшали его знаменитые памятники Пушкину на площади Искусств и Бехтереву у здания

Психоневрологического института.

Конечно, Михаил Константинович Аникушин – это очень заметное имя в искусстве. Теперь уже можно смело говорить, что без его памятников Петербург – Ленинград имел бы другое лицо. В мастерской величие скульптора без лишних пафосных слов читалось в исполненных работах. Их были сотни, а здесь показывалась только самая малая часть. Тема блокады, героического подвига и бесконечных человеческих страданий. Бойцы и горожане, измученные голодом, обстрелами, бомбежками, уже почти бестелесные, но так и не сломленные. Это прожитые Мастером фронтовиком страшные символы военного времени. Целая коллекция станковой скульптуры, изображавшая его современников: рабочие, актеры, балерины, композиторы, ученые. Отдельно показывалась работа над образами русских литературных гениев. Возможно, это самое лучшее, что создано скульпторами за советский период. Замечательным было то, что в мастерской прослеживался весь путь творческого поиска нужного образа. Каждая их деталь под патиной времени сохранила отпечатки пальцев Мастера...

Божественная раскованность Пушкина, читавшего свои стихи, сменялось печалью и какой-то мудрой человеческой усталостью у Чехова. Над такими образами Мастер трудился всю жизнь и сам постепенно менялся вместе с ними. Вознесенные на свой высокий пьедестал, они по-прежнему принадлежали нам, тем, кто так любил их и помнил с самого

раннего детства. Они у Мастера всегда оставались земными людьми. Созданные образы сохраняли необычную открытость, почти этюдные черты достоверности и легкой незавершенности. Они как бы спускались к нам. Кто-то потом называет все это лирикой и отходом от принципа монументальности, другие – особым проникновением в образ...

Иван задержался возле высокой глиняной модели, и они стали с интересом рассматривать ее.

– Таким памятник Чехову установили в Москве, в Камергерском переулке. Он самый последний из его крупных работ. В чертах писателя передана какая-то собственная усталость Мастера, будто он уже прощался с нами. В мастерской свет хороший для просмотра, мягкий и рассеянный: живое небо, закрытое низкими питерскими облаками...

– А мне кажется, что здесь Чехов чем-то похож на Дон Кихота. Особенно в этом ракурсе, – прошептала Марья.

– Что же, может быть. Творческий путь самого скульптора тоже не был увенчан одними лаврами, – согласился Иван..

Кажется, они немного опоздали сюда к началу основных мероприятий. После своего путешествия среди скульптур, Иван с Марьей снова заглянули в большой зал. Прежде здесь стояла подвижная платформа с выдвижным краном и кабиной для работы скульптора на различной высоте. Сейчас там шел какой-то театрализованный концерт. Внушительные фигуры зубастой акулы Каракулы и ушастого смешного слона, говорили, что сейчас это пространство чаще исполь-

зовалось для детских занятий.

Они осторожно прошли через зал и оказались в помещении, где девушки-скульпторы лепили из голубоватой глины рельефы-портреты посетителей на большом металлическом щите. Дух великого Мастера незримо витал над головами собравшихся гостей и заряжал особой энергией. Можно было попробовать сделать что-то самому. Войдя туда, Иван не колебался ни минуты в том, что сегодня будет лепить. Он только немного присматривался вначале, как будет это делать, как правильно держать в руках инструмент.

Марья глянула на него расширенными от волнения глазами и послушно села рядом на высокую вращающуюся табуретку. Теперь она стала его моделью, натурщицей. Работа у Ивана как-то сразу пошла, даже зрители появились. «У вас красивая модель, – сказала ему работавшая рядом скульптор Виктория. – Посмотрите, какие у нее глаза, ресницы и линия губ, как интересно уложены волосы. Все это будет здорово смотреться в будущем рельефе»...

По правде говоря, у Марьи действительно хорошее для лепки лицо, его легко находить в создаваемом образе. Прежде всего, Иван смело вычертил нужную ему форму и убрал все лишнее с доски. Даже сам не понимал, откуда у него возникла такая уверенность. К глине Иван давно не прикасался, это было увлечением детских лет. После определения основного контура, можно было преступать к детальной отделке линий профиля. Он открывал ее лицо для

себя заново. Это казалось ему странным, ведь черты любимой женщины были хорошо знакомы ему. Сколько раз он с нежностью касался ее лица ночью, рисовал его в своей голове. Повторяя черты Марьи в мягком податливом материале, Иван почти физически ощущал свое прикосновение к ее губам, изгибам волос. Работа увлекала его, время летело быстро. Все это казалось ему фантастическим действием, открытием нового душевного состояния.

Любовь – не просто обостренное чувство или посланное искушение. Сейчас это возможность отдать себя всего, без остатка. Нарисовать Марью или вылепить из глины – значит суметь ей рассказать о своих чувствах.

К этому времени Марья почти не позировала ему, и он попросил ее вести себя свободно, как в жизни. Вот и еще одна деталь оказалось пойманной – неуловимое движение губ и улыбка Марьи. Кажется, сейчас они творили вместе, одновременно переживали ощущение своей близости. Марья неотрывно следила за работой его рук. Бесформенный кусок глины все больше приобретал ее черты. Теперь Марья слышала его признание, которое прозвучало для нее громче любых слов.

Она хорошо знала его длинные тонкие пальцы. У Ивана они были чувствительными и легко отзывались на ее внутреннее состояние. Марья любила такие прикосновения, это заменяло красивые и нежные слова. В такие моменты желание постепенно нарастало в ней и превращалось в совершен-

но неуправляемую лавину. Марья никогда не умела рисовать и лепить. Она не знала, нужно ли ей было это для жизни. Знает ли Иван, как она его любит? Для нее это так же естественно, как возможность жить или дышать, потому что без любви к нему все вокруг теряло всякий смысл..

Скульптор Виктория лишь изредка поглядывала на работу Ивана и почти не подсказывала ему. Когда он положил инструмент и снял рабочий фартук, Виктория одобрительно заметила: «У вас совсем неплохо получилось для такого быстрого этюда. Очень похоже. Улыбка заметно оживила изображение. Вообще, настоящая скульптура – это 360 раз повторенный рисунок»...

Иван не ожидал от себя другого, знал, что сегодня должно было получиться. Этой ночью в мастерской ему незримо помогал сам Мастер. Теперь он придирчиво разглядывал свою работу. «Жаль, что всего этого нельзя взять с собой. Ночь пройдет, а утром глиняные портреты сломают», – сказала Марья.

«Иногда ход работы важнее ее результата. Все пережитое теперь останется с нами», – Иван коснулся рукой своей груди, словно показывая, где теперь хранилось созданное им творение...

Марья сделала несколько фотографий на свой телефон, но полученное изображение давало сильное искажение. Оно не хотело уходить отсюда. «Пусть твое изображение проведет остаток своей жизни здесь, – улыбнулся Иван. – Это очень

достойное место». Ему совсем не было жаль своей работы. В этих стенах создавалось много другого, более достойного.

В это время на деревянной лестнице, которая вела на второй этаж, началась оживленная фотосессия. Девушка с голубыми волосами, завернувшись в серебристую тунику, изображала ожившую античную статую.

Иван и Марья вместе вышли на улицу. Над крышами домов полыхал закат, где-то в темных кустах защелкал соловей. Нет, не зря именно такую ночь для своих действий выбрали всякие потусторонние силы, что-то в ней было за пределами обычного разума...

– Ты слышишь?

– Да, конечно. Только этот маленький певец сегодня опять надел свою шапку-невидимку.

– Как странно качнулась ветка...

– Это лопнула почка, и родился новый зеленый листок...

Теперь они лежали рядом и смотрели в окно. Над ними в утреннем небе плыли облака, похожие на большие океанские корабли. Иногда Иван замечал там какие-то фигуры, чьи-то лохматые головы и сплетенные руки. В этот момент комната исчезала, и у них возникало ощущение полета.

– Ты бы хотела сейчас взлететь.

– Не знаю. Мне кажется, что самое лучшее со мной уже было. Остальное не так важно. Конечно, если ты всегда будешь любить меня...

Приютино

История загородной поездки

Хозяйский дом здесь в привычном для Петербурга старом английском стиле из красного кирпича. Он стоит на возвышенности в немного заболоченном месте, столь обыкновенном для нашей северной природы. Рядом раскинулся парк с вековыми дубами и прудом, в котором когда-то ловили рыбу.

Мы приехали сюда рано утром, чтобы больше захватить светлого дня. Зимой в наших местах он короток и сер, вроде растянувшихся вязких сумерек, от чего в сердце иногда заползает беспричинная тоска. Уже ли теперь так будет всегда?

Позади большой и шумный Петербург. Впрочем, какая здесь тишина? Рядом шоссе и по нему потоком движутся автомашины. Город сюда неумолимо наступает, отвоеывая под строительство жилых комплексов все новые метры. От прежних 770 десятин господских земельных угодий теперь мало чего остается...

Какое хорошее название у этой усадьбы, теплое и домашнее – Приютино. Еще не увидел его, а оно тебе уже начинает нравиться. В XIX веке – это одно из ближайших к Петербургу поместий. Из столицы сюда легко добирались часа за полтора. Еще не построили по дороге всех этих торговых ком-

плексов, складов и автозаправок, не было даже Всеволожка. Кругом одни поля и леса.

Ты снова ведешь меня к своим любимым и дорогим местам. Каждая такая поездка – новое посвящение в этот мир. Мы медленно поднимаемся по деревянной лестнице на второй этаж, проходим по скрипучим некрашеным половицам. Нас здесь встречает Нина Антонова, главная хранительница музея-усадьбы. Рядом с ней неслышно ступает черная кошка. Кончики лап у нее белые и оттого кажутся одетыми в носочки. Вокруг тихо и совсем не слышно голосов. Будто обитатели господского дома все еще спят, и только прислуга ходит на цыпочках.

Нина улыбается и начинает рассказ, словно открывая перед нами свой старинный ларец, в котором сокрыта какая-то загадочная история или чья-то тайна. Были раньше такие ларцы у наших прабабушек, барышень прошлой эпохи, в которых они хранили только самое дорогое, свои альбомы и письма. Словно дети, мы затаиваем дыхание и приоткрываем рты в ожидании долгожданного момента. Осталось только вытереть с крышки пыль времени и приподнять ее.

Мы сейчас пройдемся по дому, который заключал в себе заботу и любовь друг о друге. Он не случайно назывался Приютино, потому что его хозяйка Елизавета Марковна предполагала, что здесь будет своеобразный приют для добрых душ. Он таковым стал на долгие сорок с лишним лет с 1795 года...

Получалось, что усадьба знаменита вовсе не своей архитектурой и сохранившимся обширным парком, а протекавшей в ней особенной жизнью. Она принадлежала семье Олениных. Ее глава Алексей Николаевич – человек неумеренной энергии и большого трудолюбия. Он известен как первый директор Публичной библиотеки, один из президентов Академии художеств и член Государственного Совета, прекрасный иллюстратор книг. Хорошо образованный человек своего времени, владевший десятью языками, он слыл знатоком античного искусства и собирателем памятников старины. Оленин всю жизнь оставался весьма небогатым человеком, что при таком серьезном послужном списке могло бы показаться весьма странным нынешним российским чиновникам подобного ранга.

Пожалуй, особенной чертой Оленина было умение собирать вокруг себя талантливых творческих людей, расположить друг к другу и подружить. Признаем, что такое в жизни часто происходило непросто. Будучи яркими индивидуальностями, многие из них совсем не были лишены многих человеческих пороков: чувствительного ранимого самолюбия или тщеславия. Поэты и художники, композиторы и музыканты в этих стенах не ссорились и не спорили, они старались беречь друг друга. К этому их располагала удивительно теплая и гостеприимная атмосфера. В этом было что-то от воспитания чувств. Возможно, поэтому многие из них посвятили усадьбе Оленина и ее обитателям свои вдохновен-

ные строки или рисунки.

Со временем собиравшееся в усадьбе общество даже стало называться Оленинским кружком. В разные годы в нем участвовали К. Батюшков, Н. Гнедич, А. Грибоедов, В. Жуковский, П. Вяземский, А. Мицкевич, М. Глинка, А. Алябьев, Кипренский, Карл и Александр Брюлловы, Г. Гагарин, Ф. Солнцев и многие другие. Приезжали сюда и будущие декабристы: С. Волконский, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, С. Трубецкой, Н. Муравьев и А. Тургенев. Для многих приглашение сюда – признание за ними особых творческих способностей...

Будучи президентом Академии художеств, гостеприимный хозяин часто не садился за стол обедать, если за ним не было пяти-шести учеников, которых поддерживал материально и всячески старался помочь.

Современники отмечали у Оленина редкий дар угадывать скрытый чужой талант и давать ему развиваться. При этом сам он часто мог оставаться незамеченным, что давало повод многим окружающим говорить об отсутствии у него больших способностей. Получалось, что рядом с людьми замечательными и яркими жил весьма обыкновенный человек. Не все смогли признать талантом и даром божьим его особенные душевные качества: умение любить людей, доброту и его верное служение своему Отечеству.

Даже спустя многие годы, в воспоминаниях об этом заповедном уголке имя всеми уважаемого Оленина звучало

крайне редко. Его чаще называли в какой-то связи, что у него бывал великий поэт Пушкин или подолгу жил известный русский баснописец Крылов.

Душою этого общества всегда была Елизавета Марковна, супруга Алексея Николаевича. Ей в усадьбе посвящали веселые праздники, любительские спектакли на домашней сцене, писались стихи. Именно ее усилиями в усадьбе создавалась особая атмосфера, которая «оживляла и одушевляла общество». Мне вспомнилось, что в старину хозяйка часто определяла лицо дома. Ему приписывали качества, которые потом целиком относили к хозяйке. Это был добрый дом...

Проходя через галерею, нельзя было не обратить внимания на висевшие там портреты хозяев кисти художника А. Варнека, в прошлом ученика Оленина в Академии художеств. Их поместили на одной стене, почти рядом и получалось, что изображения, как бы смотрели друг на друга. Ежели на портрете добрейшего и педантичного Алексея Николаевича читалась некоторая доля снисходительной иронии или не укрывшейся ревности его автора, то с изображением Елизаветы Марковны получилось совсем иначе. Удивительно хорошее лицо. С портрета на нас смотрела сама мудрая добродетель, женщина, прекрасная в любых летах и нарядах, душа всего общества..

Вместе с Ниной мы проходим через господские комнаты, которые совсем не поражают нас роскошью. Все здесь красиво, но скромно и функционально. Это тоже свой особенный

стиль. Оленина даже принято считать законодателем нового духовного уклада русской жизни, названного впоследствии усадебной культурой.

Похоже, что в те давние времена среди образованных людей ценилось вовсе не их богатство, за ними признавали иные человеческие достоинства. Впоследствии внешний облик и обстановка комнат были воссозданы стараниями реставраторов и сотрудников музея по рисункам, воспоминаниям современников и литературным источникам. Мебель из карельской березы вполне соответствовала ушедшей эпохе и дополнилась подлинными личными вещами членов семьи Олениных, которые многое говорили о вкусах и интересах их хозяев. Экспозиция включила в себя ценные документальные материалы, портреты, пейзажные зарисовки, книги и автографы. Так появился кабинет хозяина дома, комната его хозяйки, музыкальная гостиная, галерея, комнаты молодого человека и барышни. Дремлющий дом снова оживал каждый раз, когда в него входили новые посетители.

Мы с интересом разглядывали подлинные документы, написанные пером. Четкий разборчивый изящно-твердый почерк хозяина усадьбы. Приходило на ум, что это нечто среднее между письмом и рисунком. Так еще учили писать наше старшее поколение..

Представим себя на короткое время гостями этой усадьбы. Она задумывалась ее хозяевами как летняя дача, где жили только до первого снега. Конечно, по сезону мы сюда уже

не успели. Оленины наверняка сейчас в Петербурге, в своем доме на Фонтанке.

Обычно радушные хозяева предоставили здесь каждому гостю отдельную комнату и предлагали все необходимое. Затем им объявляли общий для всех распорядок дня. Вставали в усадьбе довольно рано и в девять поутру уже пили чай. Завтрак подавали в двенадцать, в четыре часа – обед. Полудничали в шесть часов и в девять пили вечерний чай. Для этого все гости созывались ударом колокола. Все остальное время можно было заниматься чем угодно: гулять по парку, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и даже из лука. Алексей Николаевич по части последнего был немалым специалистом. По крайней мере, художник Ф. Солнцев, сохранивший до конца своих дней благодарную память об этом доме, оставил нам похожее описание.

Фантазировать на эту тему еще проще, поскольку в экспозиции сохранился интересный рисунок этого художника, сделанный им 26 мая 1834 года. На нем семья Олениных вместе со своими гостями изображена в музыкальной гостиной. Неторопливый разговор близких друг другу людей, рисунок которых сохранял хорошее сходство. Все фигурки были пронумерованы и имели вынесенные на поля имена. Настоящий коллективный семейный портрет. Хозяин усадьбы изображен в самом центре, голова его увенчана турецкою феской. Кажется, он совсем малого роста.

В семье Олениных было пятеро детей: сыновья Николай,

Петр, Алексей и дочери Варвара и Анна. О каждом из них сохранилась своя история, порою очень грустная. Два старших сына были еще в детстве записаны отцом в лейб-гвардии Семеновский полк. Умению ловко скакать верхом, фехтованию и стрельбе юноши дворянского сословия учились с раннего детства. Такое было тогда время, их готовили защищать свою честь на поединке и к военной службе. Вполне себе в духе их батюшки Алексея Николаевича Оленина, благословляя своих сыновей, сказать им на прощание известную поговорку: «береги платье снову, а честь смолоду». О чести тогда помнили и на балу, и на бранном поле.

Оба старших сына стали участниками Отечественной войны 1812 года. Николай погиб при Бородино, и в память о сыне родители установили в усадьбе скромный камень-памятник. Он сохранился донныне и стоит на том месте, где рос посаженный Николаем молодой дубок, засохший после его смерти..

Подошло время познакомить нашего читателя с особенной романтической страницей из биографии поэта Александра Сергеевича Пушкина. Она связана с младшей дочерью Олениных Анной. Эту историю здесь принято рассказывать в комнате молодой барышни. Младшая, как водится, любимая дочь папеньки. Он много вложил в ее воспитание и образование. 17-ти лет она уже пожалована во фрейлины к императрицам Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне. Анна считалась одной из блестящих красавиц николаевской

эпохи, которая изобиловала красивыми женщинами. У нее прекрасная наружность, чудные глаза, золотые локоны и... совсем маленькая ножка 32-го размера. Она умна и образована, остра на язычок, пела романсы, неплохо сочиняла и рисовала. При этом Анна обладала прекрасной грацией, ловко держалась в седле, изящно танцевала. Она для многих считалась желанной невестой.

Анна всеми любима и хорошо чувствовала это. Оттого каждое ее движение, улыбка излучали свет и тепло. В доме сохранилось немало живописных портретов и карандашных рисунков ее прекрасной головки. Более других мне понравился рисунок Г. Гагарина, легкий и воздушный, передававший веселый и неутомимый характер этого юного и очаровательного существа..

В юности часто живут в мире, созданном воображением, и только взросление и обретенный жизненный опыт, разрушают наши иллюзии. К тому времени Анна уже была влюблена и вела дневник, похожий на роман.

«Счастье меня нигде не ждет. Вот жизнь тех, кто слишком много перечувствовал в своей молодости, вот жизнь той, чья рука пишет эти строки. Ей не исполнилось и двадцати, а она уже перестала радоваться жизни...» О себе она писала в третьем лице, ее героиня романтическая барышня Анета. Она знала Пушкина, когда была еще ребенком. С тех самых пор пылко восхищалась его поэзией. Самому поэту в дневнике посвящено немало строк, порою не всегда лестных...

«Однажды на балу у графини... Анета увидела самого интересного человека своего времени, отличавшегося на литературном поприще: это был знаменитый поэт Пушкин»...

«Бог, даровав ему Гений единственный, не наградил его привлекательною наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевала тот ум, который был виден в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие – вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал Русскому Поэту 19 столетия». Из своего короткого знакомства с Пушкиным она делает вывод, «... что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен»...

Милый женский взгляд на внешний облик и скрытые внутренние достоинства поэта! Как мало это похоже на известный нам вдохновенный рисунок Пушкина, сделанный О. Кипренским в марте 1828 года. Наверное, в поэте каждый из них угадал свое.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?

Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоте
Поклонником быть должен гений.

«Среди странностей поэта была особенная страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что они значат для него более, чем сама красота. Анета соединяла со своей внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой, бывали хороши, ... но нога у нее была действительно очень мала, и почти никто из молодых особ высшего света не мог надеть ее туфель».

В комнате барышни можно было увидеть такую симпатичную пару атласных розовых женских туфелек для бала с бантами и лентами. Определенно, не тот размер, скорее всего – 37— й. Мой взгляд нечаянно скользнул вниз, чтобы лишний раз убедиться: у моих сегодняшних спутниц он едва ли превышал 35-й...

– Не сомневайся, мы тоже вполне соответствуем этим светским стандартам, – рассмеялась ты.

– Маленькая женская ножка действительно красива. Она воспета поэтами, живописцами и скульпторами всех поколений, – немедленно согласился я.

– Такую маленькую ножку можно поставить на ладошку. Наверное, это мечта каждого мужчины, – Нина лукаво посмотрела на нас обоих..

«Пушкин заметил это ее достоинство, и его жадные глаза следовали по блестящему паркету за ножкой молодой Олениной... Она собиралась выбрать его на один из танцев. Она тоже хотела отличить знаменитого поэта. Боязнь быть высмеянной им заставила ее опустить глаза и покраснеть, когда она подходила к нему. Небрежность, с которой он у нее спросил, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за простушку, оскорбляла ее, но она кратко ответила: «Да, мсье», – и за весь вечер не решилась ни разу выбрать его. Настал его черед, он должен был делать фигуру, и она увидела, как он направляется к ней. Она подала руку, отвернув голову и улыбаясь, ибо это была честь, которой все завидовали».

Шел 1828 год, в Приютино зачастил Пушкин. Он недавно вернулся из ссылки в Михайловское, был чрезвычайно популярен, его стихи переписывали в альбомы, их читали в салонах. Увидев Анну, Пушкин влюбился страстно, и это было очевидно всем окружающим.

Намерения у него были самые серьезные: жениться, обрести дом и семью. Все то, чего у него никогда не было. Как человек опытный, Пушкин долго не решался сделать предложение Анне, ожидая особого знака со стороны родителей. Ведь в случае отказа, он едва ли мог дальше появляться в этом доме. Доброжелательного знака ему не последовало...

В ту пору в Приютино на правах друга почти постоянно жил Иван Крылов, к которому дети относились как старому

доброму дядюшке и доверяли многие тайны. Анна советовалась с ним по поводу женихов: отчего никто не просит ее руки? Седовласый Иван Андреевич вынужден был огорчить. Они бы и хотели это сделать, только разговоры идут... «куда уж нам соваться, когда Пушкин того же желает».

Как водится, поползли слухи и сплетни, которых вокруг поэта всегда было достаточно. Нашлись доброжелатели, которые передали Олениным, что Пушкин хвастал, будто юная красавица по нему сохнет, ночами не спит. Дело осталось за малым – уломать родных. «*Cherchez la femme*» (ищите женщину), – говорили в таких случаях. Кому-то было выгодно все расстроить.

Это известие привело Анну в ярость. Тем более, что по линии матери знаменитая Анна Керн приходилась ей двоюродной сестрой, и она была хорошо наслышана о любовных похождениях поэта.

По поводу всего случившегося у Пушкина состоялся серьезный разговор с Елизаветой Марковной Олениной, которая потребовала от него объяснений. Естественно, что после всего этого, просить руки ее дочери он не мог. Огорченный поэт уехал в свое имение. Спустя полтора месяца он был прощен и снова стал бывать в Приютино...

Этот несостоявшийся роман подарил миру великие стихи: «Ты и вы», «Ее глаза», «Город пышный, город бедный», «Не пой красавица при мне...» и знаменитое: «Я вас любил...»

Анна вышла замуж только после смерти Пушкина, в 1839

году, возрасте 32 лет. Ее мужем стал полковник лейб-гвардии Гусарского полка граф Федор Александрович Андро. Замужество по меркам высшего света было блестящим – граф Андре де Лонжерон 14 лет занимал пост президента Варшавы. Жаль, что человеком он оказался вздорным и очень ревнивым. Он ревновал жену к ее стихам, романсам, которые она пела. Его раздражали книги, которые она читала, внимание, которым она всегда пользовалась в обществе. Но более всего, Ланжерон ревновал ее к тайному дневнику, который запретил ей вести.

Анна так и не узнает, что Пушкин на черновых страницах своих стихов еще долго будет выводить ее профиль и маленькую, полудетскую ножку в изящной туфельке...

Грустная и красивая история. Нынешний век в этом отношении грубее и проще. Современные барышни дневников не ведут, мыслей и переживаний своих не прячут. Их часто с необыкновенной легкостью выкладывают на открытые страницы интернета...

После смерти супруги Алексей Николаевич продал поместье и навсегда покинул этот дом. Без Елизаветы Марковны для Оленина многое теряло прежний замысел. Все казалось ему пустым и мертвым, как если бы душа покидала брренное тело. Потом здесь жили уже совсем другие люди, о которых нам мало чего известно. Возможно, это сохранило усадьбу от ее дальнейшего разрушения или значительной перестройки. Сохранилась она и в страшные годы войны, давая многим

людям уют и тепло, спасая их от голода. Здесь, совсем рядом проходила знаменитая ленинградская Дорога Жизни.

После прогулки по усадьбе мы все вместе пили чай с пирогами и продолжали начатый разговор. Мне тогда подумалось, что Приютино, прежде и сейчас, везло на людей, которые связывали свою судьбу с этим особенным местом. Говорю так о его главной хранительнице Нине Антоновой и многих сотрудниках этого музея-усадьбы. При весьма скромных заработках они вкладывают сюда всю свою душу, знания и талант. Кому-то из них для достойной жизни нужно иметь еще дополнительную работу. Может таких людей сейчас немного, или мы о них очень мало знаем. Они часто остаются в тени своих больших дел. Все же хорошо, что такие люди у нас пока находятся, ими сохраняется история и красота нашей земли.

На восторженные похвалы в свой адрес Нина Антонова отвечает нам с присущим тактом и скромностью. Пусть эти слова сегодня прозвучат добрым напутствием сегодняшним и будущим посетителям музея – усадьбы: «Когда у посетителей умы восприимчивы, сердце большое, а душа чувствительна, нетрудно стать мостиком к прекрасным ушедшим от нас традициям и отношениям»...

Рождествено

Мы опять немного задержалась в парке этой старинной дворянской усадьбы. Как это было? Вспомнил... Это неверно. Не забывал. Ты сидела рядом со мной за дощатым столом, на котором лежали осенние листья. Мы пили чай, и я подумал, что моя жизнь еще никогда не была так заполнена. Кроме работы в ней появилась личная жизнь. Было дело, которому я всегда служил. Не было счастья, и, кажется, уже совсем примирился с этим.

– Скажи, мне. Ведь так не бывает.

– Бывает, один раз в тысячу лет.

Счастье не слишком ярко улыбается мне. Свой родной, дорогой человек. Немножко грустно. Сантименты не к лицу человеку моего возраста. Он должен представлять собой что-то солидное и рассудительное. Если ты рядом, то куда все это у меня девается?

Таких деревянных усадеб в окрестностях Петербурга и в Ленинградской области осталось совсем немного. При всей своей внешней привлекательности они совсем не защищены и часто горели. Пока оставались умельцы старой школы, их быстро строили заново, и история начинала свой новый отсчет. Сейчас историческим местам торопливо возвращали прежние имена, но их самих, уже не было. Нам только оставалось иногда возвращаться туда и просто вспоминать, ка-

кими они были.

Господский дом усадьбы Набокова на горе привлекал внимание всех, кто проезжал мимо по Киевскому шоссе. Просторное деревянное строение с колоннами в стиле ампир, создателей которого уже никто не помнил, сменило немало хозяев. Теперь среди них, чаще вспоминали представителя известного купеческого рода сибирского золотопромышленника старообрядца Ивана Рукавишникова и знаменитого писателя эмигранта Владимира Набокова. Издали дом выглядел заметно лучше. Восстановленный после страшного пожара 1995 года, он снова разрушался. Ощущение мистики и чего-то необыкновенного здесь просто висело в воздухе. У входа в усадьбу мы заметили старушку в белом берете. Она едва передвигалась, опираясь на свою палку, и что-то говорила сама себе. Оглянуться не успели, как эта старушка куда-то исчезла на совершенно ровном открытом месте.

Такие душевные провинциальные музеи мне всегда нравились своей простотой, естественностью и отсутствием излишних ограничивающих правил. Свободное перетекание миров и времени здесь нередко начиналось с самого первого прикосновения к старинному предмету. После этого, как ток по телу пробегал. Зрительные образы рождали новые ощущения, даже какой-то особенный привкус. Получалась совсем другая атмосфера.

Среди интерьеров комнат, столовой и бальной залы, портретов и фотографий, бабочек-сфинксов под стеклом и лич-

ных вещей владельцев усадьбы меня неизменно привлекала выставка работ местного художника Леонида Птицына. Совершенно точно, что лишней она здесь не была. Человек необыкновенной судьбы, мальчишкой потерявший при разминировании обе руки по локоть. Он сумел потом закончить Академию художеств и стать профессиональным художником. Тот случай, когда божественный дар творца давался человеку с рождения, а потом проходил непостижимые испытания. Молодому человеку пришлось заново осваивать изящную технику живописца и рисовальщика голыми обрубками рук. Эти картины теперь ничего не говорили о духовных и физических муках их создателя, они были выразительны и сдержаны в цвете. Наверное, только автопортрет самого художника мог подсказать что-то любопытное наблюдательному и чуткому посетителю. Среди работ художника картины с изображением храма Рождества Богородицы на берегу Грязны, который можно было легко увидеть из окна усадьбы. Всегда интересно сравнивать реальность с изображением и читать ее глазами художника.

Сохранилось любопытное описание усадьбы царевича Алексея, оставленное потомкам фрейлиной его супруги Юлианой Арнгейм: «12 мая 1715 года мы в Рождествене, мызе царевича в Копорском уезде, в семидесяти верстах от Петербурга... Я была долго больна, думали, умру. Страшнее смерти была мысль умереть в России. Ее высочество увезла меня с собою сюда, в Рождествено, чтобы дать мне от-

дохнуть и окрепнуть на чистом воздухе. Кругом лес. Тихо. Только деревья шумят, да птицы щебечут. Быстрая, словно горная речка, Оредеж журчит внизу под крутыми обрывами из красной глины, на которой первая зелень берез сквозит, как дым, зелень елок чернеет, как уголь. Деревянные срубы усадьбы похожи на простые избы. Главные хоромы в два жила с высоким теремом, как у старых московских дворцов еще не достроены, рядом – часовенка с колокольней и двумя маленькими колоколами, в которые царевич любит сам звонить. У ворот – старая шведская пушка и горка чугунных ядер, заржавевших, проросших зеленой травой и весенними цветами. Все вместе – настоящий монастырь в лесу. Внутри хором стены еще голые бревенчатые, пахнет смолою; всюду янтарные капли струятся, как слезы. Образа с лампадками. Светло, свежо, чисто и невинно – молодо. Царевич любит это место. Говорит, жил бы здесь всегда, и ничего ему больше не надо, только бы оставили его в покое...»

Прежняя Рождественская церковь находилась в излучине реки Оредежа, на вершине небольшого холма, там, где сейчас за Могильным мостом расположено Старое кладбище. По свидетельству современников она была очень простой архитектуры и без звонницы. Как сообщает старинное епархиальное издание, храмовые «колокола висели на деревьях». Эти деревья, уцелевшие с эпохи царевича Алексея, существовали до 1865 года...

Окружавший обширный парк, по которому мы теперь

шли, казался неухоженным и больше напоминал обычный лес с проложенной широкой аллеей, вдоль которой стояли старые вековые деревья. Здесь все еще можно было отыскать каменные основания, на которых в господском парке раньше стояли мраморные статуи. После создания нового государства освобожденного труда, они пострадали в самую первую очередь. Улыбаюсь, мысленно представляя тебя в длинном белом платье и милой шляпке с ажурным зонтиком. Бережно беру под руку, и мы медленно идем дальше...

Все эти высокие, изрезанные холмами берега рек Оредеж и Грязны, раньше называли нашей русской Швейцарией. Теперь сложно представить, что это заросшее бурьяном футбольное поле еще столетие назад было оборудованным современным теннисным кортом, а едва заметные тропы представляли собой проложенные в парке велосипедные дорожки. На одной из них во время прогулки познакомились родители будущего знаменитого писателя: Елена Рукавишникова и Владимир Набоков.

Детство писателя прошло неподалеку отсюда, в загородном имении Выре под Гатчиной. До наших дней оно уже не сохранилось. Его родители предпочитали жить «на английский манер» и во всем следовать европейскому стилю. В обиходе семьи обычно использовалось три языка: русский, английский и французский. В какой-то момент юному Владимиру Набокову даже пришлось подтягивать знание своего родного языка. Обычная история из жизни многих обес-

печенных русских аристократических семей. Читать, по его собственным словам, научился раньше по-английски. Позднее он вошел в мировую литературу, как русский и американский писатель, поэт, переводчик и драматург, создававший свои произведения на русском, английском и французском языках.

Теперь мы направились в сторону источника, куда многие приезжающие ходили за водой. В самом конце усадебного парка всем часто показывали установленный на валуне поклонный крест. Как гласило предание, на этом месте странным и загадочным образом «ушла под землю, провалилась в одночасье» деревянная церковь, которую называли «Велики Никола». Местный вариант «града Китежа». Случилось это в конце XVI века, в Смутное время, перед самым приходом новых хозяев – шведов. Иноземные завоеватели не смогли осквернить ее своим присутствием.

Основанием для этого вполне могло стать вполне реальное событие, поскольку в этих местах, где когда-то проходил старый новгородский тракт, каждый год появлялись новые провалы и воронки, жадно всасывавшие в себя все, что могло находиться на поверхности. Словно подтверждая эту легенду, местные подземные воды изредка выкатывали на поверхность древние монеты и кольца. Самые первые поселения в этих местах появились намного раньше. Курганные захоронения, исследованные археологами в Рождествене еще в 1874 году, оказались древними кладбищами и по времени

относились к XI – XII векам.

Здесь земли представляли собой красные песчаники, горные породы осадочного происхождения. Подземные каналы и пустоты образовывались в них в результате механической эрозии, вымывались водой, содержащей песок и осколки камней. Завершив свой титанический труд, вода выводила пещеры на поверхность, подобно открытым пастям мифических драконов, из которых по лесам и полям струились чистейшие родники.

Появление таких древних красных песчаников ученые относили к девонскому периоду, завершившемуся на земле 500 млн. лет назад. Название ему дали по имени графства Девоншир на юго-западе Англии, где были впервые обнаружены следы подобных геологических образований. Нам оно больше знакомо по Баскервиль – холлу и таинственной собаке, обитавшей среди торфяных болот. Мы без труда представили себя в Ленинградской области среди гигантских древовидных папоротников, рядом с которыми бродили первые наземные позвоночные существа.

Осенние листья под ногами все больше смешивались с мокрым песком и красной глиной – следами работы подземных рек. Лесная тропинка вскоре привела нас к источнику. Из основания красной береговой скалы бил родник. Учитывая близость провалившейся легендарной церкви, эту гору с давних пор почитали Святой, а здешнюю воду целебной. Теперь это место оборудовали специальной купелью, а вдоль

источника расставили множество икон. Все бы ничего, только сделанное наспех из современных материалов сооружение вместе с рукотворными пещерками теперь совершенно изменило красивый лесной пейзаж. Вода в ручье казалась черной, но это было обманом зрения. Она кристально прозрачна и хороша на вкус. Ее неторопливое течение приводило в движение донную траву, заставляя вспоминать лучшие кадры знаменитого фильма Андрея Тарковского «Солярис».

Мы снова пошли по лесной тропе и скоро оказались у входа в пещеру. Это было уже настоящее творение природы, причем довольно внушительных размеров. Выброс подземной речки открывался высокими сводами, внутреннего пространства здесь хватало, но дальше начиналось его сужение. Это чем-то напомнило мне сквозное пулевое ранение, где отверстие на выходе всегда получалось больше. Двигаясь дальше, мы увидели справа от главного прохода небольшую сухую подземную залу, сделанную водой. Получалось, что кое-что можно было узнать о пещере, даже не заходя далеко внутрь.

Нам показалось, что мы многое потеряем, если не пойдем дальше. Когда еще могла придти в голову безумная идея прогуляться по подземному царству? Открытое чрево пещеры определенно притягивало скрытой тайной. Включив фонарики, мы продолжили свое движение. Гладкие, отшлифованные водой красные стены пещеры усиливали ощущение путешествия внутри какого-то живого гигантского чудови-

ща, способного пожирать земной мир. Из глубины пещеры вытекал ручей, и нам пришлось идти по его руслу из мелких камней. В этой пустой замкнутой полости бегущая вода журчала как-то необычно, словно волшебная музыка. Наши шаги и голоса отдавались глухим эхом, здесь был совсем другой мир. Мы замерли и слушали разговор подземного ручья. В какой-то момент мне даже показалось, что я слышал чье-то тихое пение и слова молитвы. Однако, скорее это звучало во мне, как обращение к Господу, напоминая о последнем присутствии на церковной службе..

К основному потоку сюда присоединялся еще один подземный ручеек. Так когда-то образовались новые боковые ходы этой пещеры. Вправо вел сужавшийся ход, откуда выходило главное русло. Похоже, что раньше он был меньшим по высоте, и люди увеличили его до удобных нужных размеров. Хорошо заметно, что форма потолка у коридора теперь искусственная и обработана рабочим инструментом.

Говорили, что самые дальние проходы в пещеры каждый год меняли свою форму, там кто-то вел новые раскопки. Похоже, здесь все еще продолжали искать древние клады под землей. Метров через десять перед нами открылся еще один зал, но уже заметно меньших размеров. Выходы из него вели в разные стороны. Все они проделаны подземными ручьями, но некоторые из них тоже расширялись руками человека. Один их таких проходов теперь заканчивался коротким тупиком, в котором кто-то вырубил ниши для фона-

рей. Дальше мы идти уже не рискнули, поскольку пространство в проходах сильно сужалось, превращая их в похожие на склепы норы. Многотонная масса над нами начинала давить все больше, и желание продолжить путешествие сокращалось точно в такой же пропорции. Мы повернули обратно, ты снова шла за мной следом по руслу подземной реки.

Вспомнилась красивая легенда Орфея и его возлюбленной Эвридики, за которой он оправился в подземное царство мертвых. Там оно тоже начиналось с входа в пещеру и маленького ручейка, впадавшего в реку Стикс. Все это время я слышал твой голос и шаги за спиной. Кажется, у легендарного Орфея такой возможности не было. Эвридика в царстве мертвых оставалась бестелесной и беззвучной тенью. Впереди сверкнул свет, проход снова расширился. Еще немного и над нашими головами засияло небо.

Наполненный солнцем и косыми тенями осенний парк теперь показался особенно прекрасным. Нам улыбались встречные люди, деревья и кусты, а старая усадьба просто светилась своим фасадом на фоне синего неба. Земная жизнь, при всей ее неустроенности, выглядела привлекательней любого подземного рая. Радость так переполняла нас, что захотелось купаться в осенних листьях. Мы снова и снова подбрасывали их в воздух и устраивали себе настоящий фейерверк...

В стране ворон

Все началось с того, что я поскользнулся, неловко прыгая по поднимавшимся из воды камням. Вроде предупреждения, что прежней легкости в движениях уже не было. Пора научиться жить спокойно. Мы спустились к берегу, чтобы покормить чаек. Обнажившаяся каменная гряда, на которой сидели птицы, уходила длинным серпом куда-то в сторону Кронштадта.

Они кружились над нами, но клевать хлеб с воды не хотели. Оказалось, что здесь были только вороны, которые не умели этого делать. Теперь они дождались своего часа и пиروвали на плоской песчаной отмели. По сравнению с суетливыми чайками в них присутствовала какая-то неторопливая и уверенная поступь новых хозяев. Никогда такого нашествия прежде здесь не видел. Казалось, что теперь весь этот безлюдный берег в Репино принадлежал воронам. На время отлива он кормил их, а делиться с другими птицами они не желали.

Конечно, сейчас совсем не пляжный сезон. Сюда докатилась самая настоящая петербургская осень. Она уже без обмана, с холодным дыханием, облетевшей листвой и тонким рисунком льда на асфальте. Замерла жизнь в пустых, обветшалых профсоюзных пансионатах. Они здесь, как впавшие в зимнюю спячку старые черепахи. Во всем этом было ощу-

щение чего-то ненужного, отброшенного на обочину жизни вместе с пенсионерами, попадавшими сюда в межсезонье по своим льготным путевкам.

У соседнего частного гостиничного комплекса блестела куполом новенькая часовня святых целителей бессребреников Космы и Домиана. Когда-то они лечили людей совершенно бесплатно, строго соблюдая заповедь Христа: «Даром получили, даром отдавайте». Достойный пример, которому теперь старались следовать очень немногие.

Еще издали мы заметили наверху у часовни одинокую фигуру старика инвалида, которого вначале признали за обычного нищего. Туда вела крутая лестница, а сама святая обитель оказалась закрытой. Более часа этот пожилой человек с тростью не мог самостоятельно спуститься вниз. Старик поблагодарил нас за помощь, а от предложенных денег отказался. Мы узнали, что он проходил здесь лечение вместе с женой. Она уже второй день болела и не могла подняться. Теперь старик хотел подать в храме подготовленные записки за нее и себя...

Вся их жизнь прошла рядом, вместе делили радость и горе. Они стали похожи на поздние осенние цветы, которые неярки и просты с виду, зато умели долго хранить свою красоту. В красных, подслеповатых глазах старика я не прочитал ни капли волнения и страха за свою судьбу. Все нелегкие испытания он научился принимать со спокойным достоинством верующего человека. Передохнув, старик направился

к другой часовне, которая находилась где-то возле железнодорожной станции. Для инвалида дорога неблизкая, но ему сегодня нужно было непременно попасть туда...

Поверить ангелу

Приглашение к разговору...

Мы переворачиваем на страницах календаря еще один год. Наверное, он каждому запомнится по-своему. Возможно, кто-то поймет, что хорошего не дожидаться, в жизни уже ничего не изменится. Тогда многое из сказанного дальше, обращено именно к вам. Предложу взглянуть на этот мир глазами ребенка, моей внучки. Есть в нашей семье такой маленький и светлый Ангел. В детском саду она бежит навстречу, чтобы с размаху уткнуться в мягкую бороду и сказать, что любит своего деда. Потом мы вместе торопимся на занятия, потому что там ей интересно, и она любит свою первую учительницу. А вечером, по дороге домой, она с нетерпением смотрит в темное, запотевшее окно машины и спрашивает, скоро ли мы уже приедем? Она опять спешит, потому что больше всех на свете любит маму и папу. Ее сейчас дома очень ждут.

Каждый день у Амели приносит новые открытия. Ей недавно исполнилось пять лет, она ленинградка и поэтому уже знает о блокаде. Об этом им рассказали в детском саду. Амели никогда не заучивала молитвы, но хорошо помнит «Отче наш», потому что ей ее читала мама. Она пишет

самые первые слова, но еще раньше стала придумывать разные истории. Многие из нас знают сказку Ганса Христиана Андерсена «Улитка и розовый куст». Розовый куст в ней был красивым и приносил людям пользу, а улитка всегда оставалась «вещью в себе», умничала и ничего не делала. В общем, Амели решила рассказать ее по-своему. Что из того, если улитка только ползала и сидела в ракушке? Без нее цветущий розовый куст ей нравился меньше. У Амели в сказке улитка медленно ползла, увидела много интересного, а потом все рассказала людям. У них самих на это просто не хватало времени: они спешили доить своих коров, собирать орехи и выращивать цветы.

Мы взрослеем, становимся опытнее и, наверное, немного циничнее. Жизнь чему-то уже научила. Так, просто, нас не обмануть, в наивные рассказы больше не верим. Самое странное, что вместе с приобретенным взрослым опытом, часто уходит прежнее ощущение счастья. Мы все знаем о нем, но редко видим рядом. Нет времени задумываться, нужно банально выживать или обеспечивать престижный уровень. У нас всегда большие цели, за которыми, как за высоким забором, не видим друг друга. Вот и не замечаем, что становимся чужими в своей семье. Как-то холодно становится от таких мыслей.

Как росток к свету, нас всегда должно тянуть к любимому и дорогому человеку, домой. Там должно быть тепло нашим душам. Без такого маленького замечательного обстоя-

тельства, все остальное просто не имеет смысла...

Самый длинный день

Предновогодная быль или сказка

День казался ей бесконечно длинным, вместившим множество самых разных мелких и больших важных дел. Это кто и как их себе видел. Для маленькой Амели все сегодня приобретало особенный смысл. Вначале она с папой и мамой поехала в магазин за белым платьем...

Амели еще не знала, что таких покупок в жизни женщины случалось немного. Непрактичный белый цвет – не на каждый день. Он, скорее всего, какой-то важный символ. Покупка белого платья непременно увязывалась с необычным событием. Сейчас у Амели готовился первый новогодний утренник. Это ее первый бал, на котором она вместе с другими девочками будет исполнять танец снежинок.

В сыром холодном воздухе, в качающейся автобусной тесноте Амели видела себя в ярко освещенном зале возле нарядной елки. То, что ожидало ее впереди, было так прекрасно, что совсем не совпадало с происходящим. За окном плыли серые фасады домов Большого Сампсониевского проспекта, жались собравшиеся кучкой дрожащие голуби на колокольне церкви Анны Кашинской.

Белые снежинки кружатся с утра,
Выросли сугробы посреди двора.
Стала от снежинок улица светлей,
Только одеваться нужно потеплей.

Автобус остановился на улице Смолячкова. Папа подхватил ее, и они оказались на улице. Их дом был рядом, на углу. Его фасад недавно отремонтировали, и он стал похож на огромный кремовый торт. На другой стороне улицы она успела заметить зеленую искусственную елку. На ней еще не было разноцветных игрушек, но приближение праздника все равно чувствовалось.

Дома все собирались к трем часам дня. У Амели сегодня день рождения. Как быстро подросла девочка, ей исполнилось уже три года. Едва они зашли домой, как раздался звонок в дверь. Это пришел дедушка. Его пустили в квартиру не дальше порога. Он терпеливо ждал, пока его внучку наряжали в новое платье. Амели торопливо натянула на себя белые змейки-колготки и сунула ноги в приготовленные башмачки. Теперь она послушно подняла руки и позволила маме надеть на себя дымчатое платье с блестками и кружевами. Мамины руки успели одернуть на Амели каждую складочку. Она попутно проверила на новом платье талию и убедилась в имевшемся запасе. На следующий год в этом платье тоже можно было пойти на новогодний праздник.

«Скоро ли, наконец?» – спросил дедушка, нетерпеливо выглядывая из-за двери. «Сейчас, сейчас», – слышались

ему женские голоса из соседней комнаты. В это время Амели с напускным равнодушием разглядывала себя в зеркало, а потом приподняла нижний край платья. Она выразительно посмотрела на маму, вздохнула и хлопнула себя руками по круглым бокам. «Ты думаешь, что оно длинное? – спросила мама. – Его потом можно будет немного приподнять». Амели пожала плечами и наклонила голову набок. Она попыталась быстро повернуться перед зеркалом, чтобы пышный кружевной край платья превратился в настоящую снежинку. В это время мама успела поправить ей прическу и прикрепить туда блестящую звездочку.

Теперь Амели взяли за руку и как маленькую вывели в коридор. Она смущенно улыбнулась и посмотрела на дедушку. Ее слегка подтолкнули в спину и шепотом напомнили, что сейчас нужно непременно здороваться и целоваться. Дедушка быстро разрядил напряженную обстановку своим восторженным восклицанием: «Вот это да! Какая красавица, она у нас лучше всех!» Он захотел обнять ее, но Амели скромно подошла к нему, опустив глаза, и подставила щеку для поцелуя. Дедушка осторожно прикоснулся губами, но потом не удержался и заключил ее в свои крепкие объятия. Он шумный, хохочущий, с колючей седой бородой. От него пахло мандаринами, яблоками и свежей сдобой.

Все дружно двинулись в комнаты. Амели опять переодели. Теперь на ней было длинное платье и обруч на распущенных пепельных волосах. Папа с дедушкой сошлись во

мнении, что теперь она похожа на маленького ангела. Только крылышек не хватало. Мама сказала, что для нее нет ничего невозможного. Серебристые проволочные крылышки давно ждали Амели на полке в шкафу. С крылышками или без, но Амели действительно почувствовала себя ангелом и центром общего внимания. Весь этот праздничный мир сегодня был создан для нее, и она для него тоже. Ей захотелось стать еще лучше, самой-самой. Она послушно вымыла руки, старательно собрала игрушки в комнате. Потом принялась мыть полы в большой комнате.

Папа ушел в магазин, а мама накрывала праздничный стол. Дедушка колдовал над плитой. Сейчас он был похож на кота, следившего за движением рыбок в аквариуме. На кухне запахло подогретым вином и разными мудреными специями. Попутно они с мамой обсуждали разные рецепты приготовления глинтвейна. Общее застолье на кухне продлилось не дольше обычного обеда. У каждого осталось еще много разных дел. Амели молча взяла дедушку за палец, и они вместе удалились в ее комнату. Она больше не смущалась и от избытка нахлынувших чувств, стиснула его колени: «Дедушка, я тебя люблю».

Потом они вместе играли, писали письмо Деду Морозу и Снегурочке в Великий Устюг. Его запечатали в настоящий конверт и отдали маме. Какой именно нужен подарок Амели для себя так и не решила. Если Дед Мороз настоящий, то он непременно должен сам догадаться о ее желании.

Теперь они будут снова рисовать. Амели выбрала себе нужные карандаши. Она не называла их цвет, просто говорила о том, что придется ими рисовать. Голубой карандаш становится у нее небом, синий – морем.

«Солнышко, солнышко! – Амели взяла желтый карандаш и принялась рисовать. – Мы вместе сделаем ему усики». Поверхность моря у нее легла ровными горизонтальными линиями. Дедушка несколькими штрихами нарисовал на ней волны. «Это кит», – сказала Амели и показала на самую высокую горбатую волну. Дедушка не спорил и только добавил ему нужного сходства. Теперь появившийся на картинке кит добродушно улыбался. Каждый раз их новый рисунок постепенно заполнялся такими новыми персонажами.

На стенке у Амели висел плакат с алфавитом. Каждая буква на нем пояснялась простым и запоминающимся рисунком. Амели уже довольно бойко научилась показывать на нем пальцем и правильно читать буквы. Дедушка написал печатную букву «А» и назвал ее «Амели». «Нет, дедушка, – возразила Амели, – так будет неправильно, это не я. «А» – это всегда арбуз». Она показала дедушке картинку из алфавита, где была нарисована разрезанная полосатая зеленая ягода. Получалось, что спорить было уже не о чем.

Если уж говорить здесь всю правду, то свое имя она пока часто произносила неправильно: «Амеля» вместо «Амели», чем каждый раз очень огорчала своего папу.

Вечером родители обсуждали предстоящую зимнюю по-

ездку на пароме в Хельсинки и Стокгольм. Поскольку поездка Амели туда с родителями не планировалась, то этот разговор показался ей совсем не интересным. Наверное, все уже давно забыли, что она их маленький ангел и у нее сегодня день рождения. Это было нечестно с их стороны. Амели намеренно несколько раз уронила на пол куски из тарелки, чтобы на нее обратили внимание.

А еще взрослые думали, что она маленькая и не понимала их умных разговоров. Амели только делала вид, что ей все это безразлично. Она неожиданно выхватывала из услышанного разговора какую-то фразу и в точности ее повторяла. Каждый раз это было чем-то значительным и важным для нее. «Господи, нам при ней уже и говорить ни о чем нельзя. Она все запоминает», – всплескивала руками мама. Амели действительно очень внимательно следила за окружающими. Иногда она старательно копировала то, что делали родители. Наверное, так проявлялось ее особое доверие к ним, ведь они у нее самые лучшие. Теперь родители должны были всегда помнить об этом. Вокруг Амели много неизвестного. Все это ей только предстояло узнать. Амели была чувствительна к любой неловкой интонации взрослых, к повышению их голоса или незаметной фальши. Словно хрупкая скрипка в руках опытного мастера, реагируя на каждое его действие. Она могла зазвучать прекрасной чистой мелодией или горько заплакать. Несовершенный окружающий мир уже нуждался в ее участии и доброте.

Хорошо, что она теперь пошла в детский сад. К этому Амели относилась очень серьезно, как к будущей школе или выбранной профессии. В саду все было по-настоящему. У нее там своя детская группа, которая называлась «Цветик – семицветик». А вы знаете, что это такое? В сказке одной девочке достался волшебный цветок. Семь его лепестков – это семь желаний, которые она могла исполнить. Девочка не сразу поняла, что она получила в свои руки, и первые шесть желаний оказались пустыми тратами. Только с самым последним лепестком она совершила настоящий добрый поступок. Амели еще не знала своих желаний, но поступки хотелось совершать только хорошие. Каждый раз, когда они с мамой подходили к зданию детского сада, ее ноги начинали бежать быстрее.

– Мама, скорей, мы опоздаем.

– Никуда мы не опоздаем, лучше смотри себе внимательно под ноги и не отпускай мою руку.

Неужели мама не понимала, что там ее ждала Ольга Михайловна, лучшая воспитательница на свете? Говоря дома о детском садике, Амели часто произносила ее имя самым первым. Ольга Михайловна такая добрая и внимательная, а еще она художник, как и ее дедушка, с ней всегда было интересно.

За окном стало совсем темно. Амели заметила, что зеленая неоновая реклама над соседней парикмахерской стала короче еще на две буквы. Слово совсем потеряло свой

первоначальный смысл, но Амели это было неизвестно. Она еще не умела читать. По проспекту в сторону Сампсониевского собора медленно полз троллейбус. Теперь он остановился на перекрестке и отдыхал. Амели тоже устала за этот длинный день. Она сидела за столом и поддерживала голову непослушными руками. Глаза закрывались сами.

В самый последний момент Амели увидела над собой маленького кудрявого мальчика с крылышками как у стрекозы. В руках этот воздушный пришелец держал легкое прозрачное покрывало. Он словно сетью накрыл им Амели, и теперь окружающий мир показался ей тусклым, словно она видела его через свои опущенные ресницы. Мальчик с крылышками стрекозы бережно поднял ее и понес. Амели никогда не подозревала о наличии дверцы возле ее кровати. Конечно, этот дом был очень старым, а в таких строениях всегда скрывалась какая-нибудь тайна.

Сейчас они легко проскользнули в этот спрятанный вход. Дальше шел длинный коридор, скоро все вокруг стремительно закружилось. Теперь она куда-то ехала в карете. Амели увидела большой дом на Английской набережной. Он был похож на дворец и светился разноцветными огнями иллюминации. К богатому подъезду подъезжали экипажи с лакеями в красных ливреях и перьями на шляпах. Вокруг стояла толпа народа и много людей в военной форме. Амели вместе с мамой вошла в этот прекрасный дом и поднялась между вазами с цветами по ярко освещенной лестнице. Вокруг них

прогуливались дамы в бальных платьях и мужчины во фраках. Амели увидела свое отражение в зеркале и не смогла отличить себя от других. На ней было такое же пышное платье с розанами на корсаже, атласные ажурные чулки и туфельки с бантиками.

В зале их сразу оглушил звук приветствий и музыки. Толпа раздвинулась, и они пошли меж двух рядов. Дамы при виде ее приседали, а мужчины склоняли голову в поклоне. Амели охватил ужас от того, что сейчас могла открыться ее страшная тайна. Тогда бы все узнали, что она еще маленькая девочка и совсем никакая не принцесса. Потом она не знала, как себя здесь держать. Вокруг нее не было ни одного знакомого лица, а мама тоже куда-то исчезла. Глаза у Амели разбегались, в висках что-то стучало, сердце совсем уже было готово выпрыгнуть из ее груди. Она гордо подняла голову и смело пошла вперед, отвечая на приветствия легким кивком. Нужные манеры пришли к ней сами собой. «Она царица нашего бала», – слышался ей заискивающий шепот окружающих.

Неожиданно возле нее появилась Ольга Михайловна, воспитательница их детского сада. Здесь она была совсем не похожа на себя. Настоящая фея из волшебной сказки. «Ничего не бойся и спокойно иди рядом со мной», – сказала Ольга Михайловна.

Вокруг все расступались, и они вместе пошли дальше. «Позвольте мне представить вам своих дочерей», – гудел ря-

дом с ними густым басом припомаженный и надушенный толстый господин в синем фраке, чулках и башмаках. Дочери у него были совсем одинаковые, в белых платьях и с красным цветком в черных волосах. Они обе улыбались и одновременно низко приседали перед Амели. «Не правда, ли, она божественна. Совершенный *charmante*», – воскликнул высокий господин с голубой лентой и звездами на груди. Встречаясь с ней взглядом, он улыбнулся и поцеловал себе пальцы.

«Какой он большой и глупый, настоящий индюк», – сердито подумала про него Амели и отвернулась.

Скоро появился адъютант-распорядитель и попросил всех посторониться. Толпа быстро рассыпалась на пары, зазвучала музыка и кавалеры, ловко подхватив своих дам под руку начали танцевать мазурку. Пары как заводные куклы двигались в такт музыки, в каждом новом повороте движения вспыхивали платья, мелькали проворные ноги и шелкали шпоры. Амели показалось, что где-то в гуще танцующих пар мелькнуло лицо ее дедушки. Это не слишком удивило ее, он был известным выдумщиком и мог оказаться где угодно. Как мастер своего дела, он обнял свою даму и повел ее в танце весьма уверенно. Теперь было уже точно видно, что это ее дедушка. Амели едва не расплакалась от обиды на него. Он почему-то совершенно не замечал ее. Вместе с воспитательницей Амели отошла в сторону. «Конечно, все это только сон, – сказала ей Ольга Михайловна. – Правда, сон необычный, волшебный. Такие интересные приключе-

ния иногда случаются с нами под самый Новый год. Сегодня я могу исполнить любое твоё желание. Даже самое немислимое».

Амели вспомнила, что она так и не придумала для себя новогоднего подарка от Деда Мороза. Почему-то стало грустно среди общего веселья, даже слезы навернулись. Ей захотелось поскорее вернуться домой, чтобы с ней снова рядом оказались мама и папа. Амели посмотрела на Ольгу Михайловну, и та сразу все поняла. «Каждая сказка должна иметь хороший конец, – сказала ее воспитательница. – Иначе она будет не настоящей. В сказке всегда должно найтись место для добра и любви. Ты сейчас обязательно вернешься домой, а все случившееся останется только нашим общим маленьким приключением. Поверь, все в твоей жизни дальше сложится очень хорошо».

Ольга Михайловна взмахнула волшебной хрустальной палочкой, которую все это время держала в руке. В тот же миг Амели услышала звуки колокольчиков. Они приближались к ней и снова где-то исчезали. Ей даже показалось, что это рассыпались маленькие кусочки льда или стеклянные горошины по натертому до зеркального блеска дворцовому паркету. Все сразу пропало: дамы и их кавалеры, сверкающие дворцы и кареты с важными надутыми лакеями.

Она опять оказалась дома, в своей маленькой кроватке с высокими деревянными решетками. Папа с дедушкой все еще о чем-то шептались на кухне. Неслышно подошла ма-

ма, осторожно поправила на ней одеяло и поцеловала. Амели улыбнулась, снова погружаясь в безмятежный сон. На алфавитной букве «Ф» сидел большой филин и смотрел на нее своими желтыми немигающими глазами: «Ух, ух, Амели. Какая умная девочка! Ты опять совершенно правильно называла мою букву. Пора подарить тебе настоящий школьный букварь. Хочешь, сейчас полететь вместе?» «А почему бы и нет, – вздохнула Амели. – Еще успею вернуться домой. Утром в садике обязательно расскажу обо всем Ольге Михайловне»...

В большом городе

Все началось в того, что ночью в городе выпал снег. Он рождался в темной высоте и ложился на землю ровным белым слоем. Всем стало ясно, что в этот день произойдет что-то необыкновенное.

Утро

Утро получилось немного скомканным, потому что Амели с мамой его проспали. В праздники у детей режим часто сбивался. В это время дедушка уже ждал их на станции «Выборгская». Им предстояла поездка на новогоднюю елку. Пока мама упаковывала Амели в утепленный комбинезон, она еще досматривала остатки утреннего сна. Скоро на поверхности остался только кончик носа и тугие щеки. Платье у нее сегодня красивое, с разными оборками и бантиками, как у настоящей барышни. Этот наряд у Амели считался еще и дорожным, поскольку никогда не мялся. Завтрак они с мамой взяли с собой, сухим пайком. Обычно так говорили, когда детей кормили по дороге всякими сладкими печенюшками или вафлями.

В метро

Улыбающийся дедушка встретил их возле турникета. Он что-то записывал в свою тетрадку. Чмокнул Амели в щеку и запел известную песенку: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро».

Спустя три минуты они уже ехали вниз по эскалатору. Амели тогда подумала, что сейчас движущаяся лента похожа на спину какого-то огромного зверя. Например, ползущего змея. Стоило только понять: добрый он или злой. Они опустились на его спине в подземное царство. Скорее всего, змей был добрым. Она никогда не видела у него головы и зубов. У змея только ребристая стальная спина, на которой можно было кататься. Потом он выпрямлялся и уходил по земле.

– Что там дальше? – мысленно спросила его Амели.

– То, чего ты никогда не узнаешь, – прошипел змей. – Говори еще тише.

Он все время двигался, и длине его не было конца.

– Прощай, маленькая Амели, мы с тобой еще обязательно встретимся...

Вообще, отвлекаться на постороннее в метро было нельзя. Так обычно говорила ее мама. У них с ней разработана целая система безопасного передвижения по городу. На ленте эскалатора в торговых центрах и метро мама всегда становилась на одну ступеньку ниже и при этом даже могла посадить

Амели себе на колени. Так было удобнее держаться. Имелись еще и свои правила посадки и выхода из вагона. Амели об этом всегда хорошо помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.